

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Передышка в Барбусе

«ЭКСМО»

2004

Никитин Ю. А.

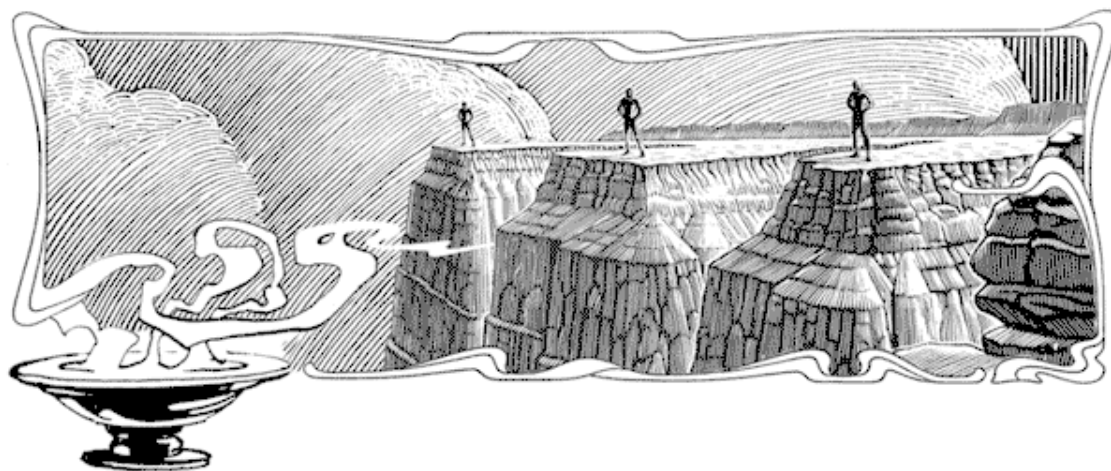
Передышка в Барбусе / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2004 — (Трое из леса)

Мрак – оборотень и победитель богов – по случайности и незнанию стирает в Книге Бытия запись о своей кончине. Теперь его мечта – отсидеться в укромном уголке и придумать, как жить дальше. Поэтому он с радостью принимает предложение поменяться ролями с правителем маленькой сонной Барбусии, надеясь провести две беззаботные недели во дворце. Однако судьба начинает свои пляски уже на его пороге. Покушения, тяжбы придворных, пустая казна, пограничные конфликты – вот от чего, оказывается, сбежал барбусийский тцар и вот что, как тяжело груженная телега, наезжает на хрупкую мечту Мрака. Приходится предотвращать, разбирать, разрешать, пополнять и вообще спасать. А и чем еще заниматься настоящим героям, решившим хорошенько отдохнуть?

Содержание

Пролог	6
Первый день в Барбусе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юрий НИКИТИН ПЕРЕДЫШКА В БАРБУСЕ



Пролог

Жаба пищала в ужасе, пятилась. Голосок был плачущий, а выпученные глаза чуть не лопались. Мрак зарычал, это ж он, прежний Мрак, бояться не надо, какая ей, дуре, разница? А в волчьей личине он, может быть, даже лучше человека, ибо для жабы нет зверя гаже и подлее, каждый норовит пнуть или бросить камнем...

Но дурная Хрюндя от страшного рыка вовсе вжалась в угол пещеры, едва не ломая короткий хвостик. Дура, сказал Мрак мысленно, не решаясь распахнуть пасть. Он грянулся оземь, ушибся, не успел подняться, как обрушилось холодное, скользкое, обхватило морду зелеными лапами с перепонками. Писк сменился счастливым визгом. Толстая жаба, не давая подняться, топталась по голове, тыкалась тупым рылом в уши. Мрак брезгливо отворачивался, но облюновывала всего, он отпिनывался от ее радостных поцелуев, крикнул зло:

– Ну, поняла, дура?.. Это был я. И остаюсь им. Смотри.

Он упал на каменный пол, ушибся снова, по телу прошла болезненная конвульсия. Поднялся на четырех дрожащих лапах, все тело зудит от проросшей шерсти, и тут же по чутким волчьим ушам хлестнул отчаянный писк.

Хрюндя отпрыгнула, глаза непонимающе смотрят на страшное чудовище, возникшее на месте ее любимого замечательного родителя, снова попятилась в угол, одной лапой пыталась закрыть себе глаза, а второй в ужасе отмахивалась от страшного зверя.

Мрак зло взвыл, ну что за дура! Жаба от волчьего рыка втиснулась в стену, едва не ломая хрупкие косточки. Мрак выругался по-волчьи, упал на пол, снова ударился, на этот раз расшиб локоть об угловатые гранитные плиты, выждал, пока тело болезненно преобразается в человеке, с трудом удержался, чтобы не запустить твердые когти в шерсть на груди и не чесаться долго и всласть.

– Ну, хоть теперь поняла?

Хрюндя тут же, без раздумий, с визгом прыгнула к нему, преодолев в гигантском прыжке половину пещеры, плюхнулась ему на грудь, вцепилась задними, а передними лапами обхватила шею, тыкалась тупой мордой с выпученными глазами ему в лицо.

– Ну до чего же дура, – выдавил Мрак с ненавистью. – Тупее был только Таргитай, но тот хоть пел...

Жаба задрала морду к потолку и счастливо заверещала. Трель была на редкость громкой и немелодичной. Мрак отшатнулся, попытался сбросить квакёныша, но Хрюндя уцепилась всеми четырьмя.

– Да, – сказал Мрак, – точно, второй Таргитай... Эй, смотри внимательно. Вот я. Я все тот же... Смотри...

Он осмотрелся, у выхода толстая шкура, только человек из Леса может без конца падать на голый гранит, когда такое рядом, подтащил на середину пещеры, улыбнулся жабе, грянулся... не получилось, подпрыгнул, грянулся сильнее, но толстая шкура все же превращала серьезное дело в игру. С третьей попытки подпрыгнул выше, ударился так, что в глазах потемнело, зато сразу ощутил страшный зуд, боль в костях, жилы вытягивались и стонали, но когда поднял от пола морду, жаба уже шумно дрожала в углу, отмахивалась передними лапами, пищала так жалобно, что у него защемило сердце.

– Ну до его же дура... – прошептал он. – До чего же... Эх! Но, с другой стороны, если бы любили только за мудрость, не нашлось бы ни одного на свете...

Что я делаю, мелькнуло в голове. Тут произошло такое, невероятно такое, надо забиться в пещеру поглубже, осмыслить, а то и вовсе остаться тут на всю жизнь, ибо его жизнь теперь стала бесценной. Это другим рождаться, жить, стареть и умирать, но он, после того как стер по незнанию в Книге Бытия свою кончину, теперь может жить вечно. Почти как боги, только

боги бессмертные, а он, увы, смертен. В том смысле, что убить его так же просто, как и раньше. Но если не дать себя убить...

Он зябко повел плечами. Он увидит, как рождаются племена, превращаются в могучие народы, стареют и гибнут, на смену приходят новые, как на месте болот вырастают леса, потом там появляются степи, а затем и вовсе все засыпает жарким песком... А где-то горы рассыпаются в щебень, где-то высыхают моря... Он все это увидит, если не даст себя убить. А чтобы не убили, надо найти уединенное место в горах, затаиться и просто жить...

Мысли были суматошные, горячечные, настолько не похожие на его прежние мысли, всегда прямые, суровые и честные, как удар его огромной секиры, что он сам смутно удивился, забеспокоился. Мало того, что последнее приключение едва не размазало его по жизни, как мокрый след от улитки... Подумать только: дрался с чудищами, магами, даже богами – а больше всего страдать пришлось во дворце Куябы, где никаких особых врагов, а была лишь золотоволосая принцесса Светлана, уже тогда он ощутил, что стал совсем другим Мраком, совсем не тем, что повергал чудовищ, бил магов и даже у самого Рода из клюва выдрал Перо...

И вот сейчас он – уже третий Мрак: трусливый, трепещущий, внезапно осознавший сверхценность своей жизни, которая, оказывается, может длиться вечно.

Что я делаю, сказал он себе с досадой. Надо сесть и помыслить о бренности жизни вообще и о его чудо-жизни, прикинуть, как ею лучше распорядиться и как сберечь... Это раньше можно было не беречь, все равно скоро смерть, так уж лучше красивая гибель, чем угасание, когда не в силах встать с ложа, а теперь он может жить, жить и жить... а вместо мудрого планирования дальнейшей жизни он прыгает перед жабой, кувырывается, успокаивает, уговаривает! Это же просто жаба. Зеленая жаба с перепонками. Даже с бородавками. Ну пусть это не бородавки, это выпирает спинной хребет, настолько острый, что уже не хребет, а что-то вроде зачатков гребня...

Замученный, он растянулся без сил на шкуре, чувствуя, что не в силах шевельнуть пальцем.

– Ну, – прошептал он, – теперь, дура, все поняла?

Жаба с радостным визгом бросилась ему на шею, как бросалась уже десятки раз, объясняя, что поняла все, но пусть всегда остается он, а не это страшное чудище, что возникает на его месте, когда он куда-то пропадает.

Желудок начал взрыкивать, как голодный пес. Хорошо бы зашвырнуть в него какую-нибудь ерундишку вроде куска мяса, пусть даже зажаренного с кровью, а потом залить это непотребство вином, чтобы уже без спешки наброситься с ножом на печеного кабанчика, что как издевательство над людскими чувствами истекает соком... прямо как перед глазами!.. посреди стола на блюде, где по бокам поместились еще и жаренные в собственном соку перепелки...

Он шумно сглотнул слюну. В животе громко заквакало. Жаба приподняла голову и нерешительно квакнула в ответ.

– Это не тебе, глупенькая, – объяснил Мрак. – Это мне... Не понимаю, как они медом и акридами?..

Она с готовностью прыгнула ему на руки, он сделал несколько шагов к выходу, и утреннее солнце ослепило привыкшие к полумраку пещеры глаза. Жаба заворчалась, недовольно заворчала. Мрак позволил ей выкарабкаться, она взобралась на плечо и там уселась, толстая и насуспенная, оглядывая мир неподвижными глазами.

Он забросил за плечо лук и тулу со стрелами, пошел вниз по тропке. Гора сразу осталась за спиной, по сторонам побежали кусты, серые от пыли, но дальше, на продуваемом месте, – зелень как зелень, воздух свежий, земля из каменистой перешла в хороший добротный подзол, вслед за кустами стали попадаться деревья, одинокие и группками, дважды он пересек небольшие рощи.

Жаба начала дремать, раскачивалась. Ее костистые лапы цепко хватались за шкуру на плече, но все же свалилась, он едва успел подхватить на лету. Сунул в мешок, она даже не копыхнулась, только сразу согнулась калачиком на дне. Мрак закинул мешок за плечо и ускорил шаг.

Солнце поднялось над деревьями, но воздух все еще оставался чист, свеж. Потянуло близостью воды. Впереди слишком роскошные деревья, заросли кустарника, листья сытые, что значит корни тянут воду прямо из реки...

Навстречу по тропке двигалась ветхая от старости женщина. Согнутая, как в пояском поклоне, она при каждом шаге опиралась на толстую суковатую палку. Из-под серого от пыли платка выбивались такие же серые, покрытые пылью, седые волосы.

При виде Мрака остановилась, он развел руки в стороны, мол, грабить не собираюсь. Старуха настороженно рассматривала незнакомца подслеповатыми глазами, лицо ее напоминало печеное яблоко, спросила скрипучим голосом:

– Не в Барбус ли идешь, добрый человек?

– Это я добрый? – усомнился Мрак. – Может, и в Барбус, если он выскочит на дорогу.

Старуха с некоторым испугом смотрела в его широкое, побитое оспой лицо, сказала надтреснуто:

– Да уж точно выскочит...

– Откуда ведаешь?

– Потому что ведьма я. Что-то в тебе странное... дай-ка ладонь, посмотрю...

– Ведьма? – повторил Мрак. – На, смотри... Проверим, ведьма или просто людей пугаешь.

Колдунья смотрела на его широкую твердую ладонь долго и с недоумением. Лицо застыло, потом с испугом отшатнулась, еще дольше всматривалась в странного человека.

– Да, – прошамкала она наконец, – как только твое сердце еще не сгорело?

Мрак буркнул:

– Сгорело. Один пепел.

Она кивнула.

– Пепел и головешки, сердешный. Но есть и крохотный зеленый росток на самом краю поля... Береги его, чужестранец! Завянет – умрешь.

Мрак подумал, пробормотал:

– Как раз теперь бы не хотелось.

– Понимаю, – прошептала ведьма. – Я не знаю, как тебе удалось, но я не вижу конца твоей жизни... Она теряется в той дали, куда мой взор заглянуть не может. Однако ты все же можешь умереть даже сегодня. Не от меча или стрелы, как ты думаешь!.. Ты еще не знаешь, что нельзя выронить хотя бы слезу, нельзя вознегодовать, нельзя разгневаться...

Мрак воскликнул:

– Так это и не жить!

– Это не всю жизнь, – успокоила ведьма. – Ты так истерзал сердце, что не выдержит даже самой малой слезинки... Сгорит дотла. Дай зарости выжженному полю молодой травой. Это недолго, всего годик-другой...

– Ого! – сказал Мрак. – Нет, я не собираюсь реветь или терзаться... сам не знаю, что со мной было, затмение какое-то, но все равно, годик-другой – это же вечность!

– Ты еще узнаешь, что такое вечность, – сказала ведьма загадочно. От ее скрипучего голоса мороз пробежал по его спине. – Год-два – это меньше, чем день. Потом это будет даже меньше, чем час...

Мрак дал ей монету, покачал головой и пошел в сторону реки. В голове все еще звучали странные слова ведьмы, это же надо – не волноваться, не гневаться... как вдруг настороженные уши уловили впереди вроде бы детский плач. Раздвинул кусты, у самой воды сидит, подтянув

колени к самому подбородку, худой подросток. Когда Мрак вывалился из зелени, подросток испуганно оглянулся. Мрак присвистнул. При резком движении из-за головы подростка выметнулись длинные светлые волосы. На него уставились огромные зеленые глаза совсем молодой девчушки. Рядом с ней на траве лук, простой, из гнутой палки, и берестяной колчан со стрелами.

– Чего реवेशь? – спросил Мрак участливо.

Она от его рева подпрыгнула, губы затряслись, а глаза стали совсем как два блюдца.

– Я... я ничего...

– Чего реवेशь? – повторил он. Взгляд его скользнул по воде, привычно измеряя скорость течения, крутизну берега на той стороне. – Река мелковата... Можно портки не снимать...

Он не смотрел в ее сторону, дабы не пугать, и вскоре ее несмелый голосок прозвучал почти с обидой:

– Да, это тебе... Ты вот какой здоровый... А мне с головой...

– Ну и что?

– Я плавать не умею!

Мрак покосился на маленькую женщину. Слезы уже высохли, она медленно поднялась. Голова ее едва-едва достигала ему до середины груди. Да и то не голова, а пышные волосы, похожие на яркие осенние листья. На бледном с прозеленью лице ярко выступали веснушки.

– Плавать? – удивился он. – Да ты такая легонькая, не утонешь...

В ее зеленых глазах блеснули искорки гнева. Похоже, она не так истолковала намек на свое изящество, губы сжались в тонкую линию:

– Ты сам... то, что плавает поверху!

– Бедная, – пожалел Мрак, – сколько же тебя били, что так озлобилась... Садись на плечо, я перейду вброд этот ручейшко.

К его удивлению, она словно ждала такого приглашения. Не успел присесть, как она подхватила свой лук и стрелы, покарabalась по нему, как белка по дубу, взобралась на спину, но сесть на одно плечо явно забоялась, Мрак ощутил, как его щек с двух сторон коснулись ее тонкие колени, кожа горячая, прогретая солнцем, а босые пятки опустились на грудь. Тонкие пальцы ухватили его сперва за волосы, он хотел бы продлить этот миг, но она словно спохватилась, поспешно ухватилась за голову, закрыв ладонями уши.

– Ох и трусливая же ты, – проворчал он, но было приятно чувствовать ее маленькие горячие ладони на ушах, – да не сброшу я тебя, не сброшу...

– Вода холодная, – предупредила она.

– Это для тебя... шкилетик.

Он вошел в реку, берег понижался медленно. Он дошел почти до середины, когда вода наконец хлынула через голенища сапог. Дальше дно понизилось еще, а перед самым берегом холодная вода дошла ему до груди. Девка взвизгнула и поджала пятки.

– До чего же трусливая, – повторил Мрак. Он медленно выбрал на берег, вода с него бежала в три ручья. – Как воды страшишься... Ты не покусаешь меня?

Она удивилась.

– С чего бы?

– Да взбесившиеся волки воды бояться... Наверное, и такие лисята – тоже? Слезай, мне надо воду из сапог вытрясти.

На самом деле самому не хотелось, чтобы его шею покинуло такое теплое, даже горячее тельце, настолько легкое, что не чувствовал веса, не хотелось, чтобы ее пальцы перестали трогать его уши, волосы, хватать за щеки.

Тонкие, но крепкие ноги стиснули его шею с неожиданной силой, а пальцы в его густых волосах обрели неожиданную мощь. В тонком голоске зазвенел торжествующий смех:

– Ты еще не понял, чужеземец?

– Чего? – спросил Мрак.

– Я мавка!

Мрак переспросил:

– Ну и что, ежели мавка или нявка?.. Слезай, вода в сапогах хлюпает. Ежели бы дырявые, сама бы вылилась, а то...

Ладонь легонько и покровительственно похлопала его по щеке.

– Какой ты... тупой. Мавки боятся воды, это верно. Мне бы на эту сторону никогда не перебраться. Разве что на плечах такого вот... Но теперь я не слезу. А попробуешь скинуть, я так тебе шею сдавлю, что замертво свалишься.

Она сильнее сжала ноги, Мрак ощутил, что в девчонке больше силы, чем она выказала на том берегу.

– Вот ты какая, – сказал он горько. – Почему со мной все женщины... вот так?

Она ответила гордо и независимо:

– А потому, что мы все такие. Женщин надо любить, на руках носить, а на шею мы и сами залезем. Скинуть же нас непросто...

Он вздохнул:

– Да я знаю... Мне так и идти в хлюпающих сапогах?

Голосок над его головой прозвучал задумчиво:

– Ты выглядишь таким простым, безобидным... что даже страшно. Ладно, рискнем. Сядь на тот пенек, задирай ноги. Но если попробуешь перекинуться на спину, чтобы меня задавить, то это напрасно, уразумел? Я успею сдавить шею раньше. К тому же... меня не так просто задавить.

Он покосился на загорелые ноги на его груди. Под тонкой кожей с золотистым пушком чувствуются молодые сильные мышцы. Когда она ерзала, устраиваясь на его плечах поудобнее, ее ноги касались его щек, а когда он повернул голову, стараясь увидеть ее хотя бы краем глаза, его губы уперлись в нежное, пахнущее травами колено, теплое и словно бы светящееся изнутри.

– Как у тебя колотится сердце, – сказала она удивленно. – Мою пятку просто подбрасывает!

– Это от страха, – объяснил он.

– Не бойсь, – успокоила она. – Я не стану грызть тебе голову. Чего ее грызть? Голова как валун, литая! Мне нужно, чтобы ты носил меня по этому краю. Ручьев слишком много, болота на каждом шагу... Тебе все нипочем, а я воды боюсь. Мне сверху видно все, я хоть оленя, хоть кабанчика подстрелю. И тебе дам поглотать косточки, я ж всего оленя не съем!

– Косточки? – переспросил Мрак. – Гм... ладно, я люблю кости. Кстати, я тоже не зря ношу лук. Когда завидишь оленя, дай знак. Поглядим, кто быстрее всадит в него стрелу.

Оленя первым учуял он. Хотел смолчать, пусть она заметит первой, но подвигались все ближе, уже и олень поднял голову, тревожно принохивается, вот-вот даст деру, а мавка все хвастается, какого хорошего коня отловила, разомлела на солнышке, уже и колени раздвинула, и Мрак сказал тихонько:

– Олень... Вон там, за орешником...

Она вздрогнула, пробуждаясь от своих мавкячих дум. Ноги стиснули шею с излишней поспешностью, он снова ощутил обеими щеками ее нежную кожу.

– Где?.. Ух ты, какой красавец!

Он чувствовал, как она поспешно сорвала со своей узенькой спины лук. Над головой послышался едва слышный скрип сгибаемого дерева. Он схватил свой лук, наложил стрелу и выстрелил, почти не целясь, ибо над головой уже шелкнула тетива.

Его стрела исчезла в зелени. По ту сторону затрещало, в стороне колыхнулись кусты, потом еще и еще. Когда он, побуждаемой мавкой, проломился через заросли, олень еще бился, успев сделать всего три прыжка. Ее стрела торчала в горле, а его стрела пробила левый бок.

Ее маленькая ладошка погладила его по уху.

– Присядь. Я разделаю зверя... Ты в самом деле стреляешь неплохо. Прямо в сердце! Но это случайно. Ты не мог его видеть. А я прямо в горло...

Он присел, буркнул:

– Давай я сам. Это мужское дело. Если женщина разделает, то и есть будет противно.

Над головой прозвенел серебристый смех.

– Я не женщина, чужеземец! Я мавка... Но разделай, если сумеешь. Только будь осторожен с ножом, если понимаешь, о чем я... Я успею сломать шею раньше.

Он покосился на нежное колено, чувствуя сильное желание коснуться его губами. Сглотнул, пообещал осипшим голосом:

– Я буду осторожным.

Оленя он и разделал, и жарил на углях, а мавка все ерзала в нетерпении и приговаривала:

– Ну, уже готово!.. Уже!..

– Еще не уже, – сказал он. – Щас будет готово...

Он сунул руку в мешок, мавка насторожилась, но он на ощупь выдрал из-под спящей жабы узелок, мавка распахнула глаза в великом удивлении:

– Соль?.. Как здорово!

– И ты соль любишь?

– А кто ее не любит?

– Тоже верно, – сказал он. – Я видел, как козы сотни верст проходят, только бы полизать глыбу соли... Вот щас посолю... а потом вот здесь... и все, можно есть... коза.

– Сам ты... Ты знаешь, на кого ты похож?

– Знаю, – ответил он. – Но ты лучше помалкивай.

Он разделал оленя целиком и зажарил все куски. Поблизости росли жгучие травы, молодое мясо с готовностью дало сладкий сок, мавка чавкала и восторгалась, он ел быстро и жадно, чувствуя, как в груди нарастает радостное рычание большого и сильного зверя. И хотя он умел несколько дней бежать вообще без крошки во рту, но когда выпадает вот такая возможность, то надо жрать, жрать от пуза, лопать вволю и в запас, распускать пояс и снова жрать, пока не полезет из ушей.

После сытного обеда мавка возжелала малость отдохнуть, а то у нее от тряски заболит переполненный живот, но, похоже, как и Мрак, отдыхать не умела и не любила: тут же указала на выглядывающие из кустов острые рыжие мордочки:

– Им тоже поесть надо, пойдем отсюда.

– Да, – согласился он, – после тебя там остались только копыта.

– После тебя, – уличила она. – Ты ж кости грыз, зверюга!

– В костях самый сладкий мозг, – возразил он. – Вон у тебя хоть и тоненькие, а знаешь, сколько в них сладости?

– Но-но, – сказала она предостерегающе, – поднимайся!

Через четверть часа заросли остались далеко позади, мавка жадно присматривалась к новым для нее рощам, заросшим лесом холмам.

Дорога постепенно стала шире, протореннее. Мраку почудились запахи дыма, окалины железа, угля, но ветерок стих, и он не был уверен, что ему не почудилось.

– А что там? – спросил он.

Голос пояснил словоохотливо:

– Там уже веси одна возле другой, а еще дальше – стольный град Барбус. Так говорят, я там не бывала. Но мы, конечно же, туда не пойдём...

– Почему? – удивился Мрак.

В голосе мавки прозвучала насмешка:

– Ну и туп же ты, чужеземец... Тебе идти туда тоже не стоит. Пропадешь, тебя и куры лапами загребут. Там народ злой, быстрый.

Он пожал плечами, с удовольствием чувствуя, как ее нежные колени елозят по его щекам.

– А что такого? Девка сидит у мужика на плечах!.. Невидаль? Женщины и так все ездят на нас. Это ж так привычно. Никто и глазом не поведет... Впрочем, ты девка красивая, на тебя будут заглядываться... Ну и пусть смотрят. Мы еще и деньги за показ будем брать. Там еще будут драться за честь тебя самим поносить на шеях.

Она слушала, колени чуть расслабились, затем опомнилась, под кожей напряглись крепкие мышцы.

– Нет. Поворачивай налево.

Мрак продолжал двигаться прямо. На душе стало печально, он сказал с сожалением:

– Может быть, пойдём, а?

Колени начали сжиматься. Голос мавки прозвучал сдавленно:

– Поворачивай...

– Мне надо в город, – сказал Мрак со вздохом. – А так бы я лучше с тобой бродил бы в лесу. Я сам человек лесной...

Колени стиснулись с такой силой, что стало трудно дышать. Ее голос, неузнаваемый и прерывающийся, донесся с хрипами:

– По... во.. ра... чи... вай!

– Не, – сказал он сожалеюще. – Эх, надо ж было мне, дурню, пообещать жабе! А еще на Таргитая: дурак, дурак... Но слово не воробей, надо идти. А ты че там пыхтишь? Мы ж договаривались, на голову не гадить... А то уже что-то горячее бежит по спине... Как думаешь, что?

Ее колени бессильно разжались. Мрак осторожно снял ее с шеи и, все еще держа на руках, в задумчивости осмотрелся, не зная, куда посадить: ни пенька чистого, ни валежины без лишайника или кусачих муравьев.

Она обреченно лежала в его руках, как в колыбели. Зеленые глаза были полны страха и безнадежности. Даже не пыталась сопротивляться, ибо в руках, что держат ее, теперь чувствуется крепость толстых древесных корней. Голосок ее был тихим, как у мышонка:

– Мне была предсказана смерть от руки героя... Простого мужика я бы уже удавила.

– А мне от женской, – ответил он. – Может, от мавячей? Ладно, прощай, зеленоглазка...

Он бережно опустил ее ноги на землю. Она выпрямилась, глаза неверяще обшаривали его хмурое лицо.

– Ты... отпускаешь?

– Да, – сказал он с сожалением. – Мне надо в город. Барбус, так Барбус. Лишь бы побольше.

Он тяжело сделал шаг к главной дороге. Ее голосок, прерывающийся от удивления и негодования, как стрела кольнул в спину:

– Но почему... почему ты целый день позволял сидеть на своей шее?

Мрак пощупал шею, что еще хранит ее тепло и запах, улыбка его была грустной.

– Не знаю. Наверное, мне самому понравилось.

– Почему?

– Не знаю. У меня еще никто не сидел на шее.

Деревья двигались навстречу, а когда расступились, начал расти и раздвигаться в стороны простор ухоженных полей. Справа заливной луг, медленно движется стадо тучных голов, а дальше ровными рядами встали белостенные хаты, крытые соломой.

Мрак шагнул из тени под солнечные лучи, но едва сделал два шага, сзади зашелестело, тонкий голосок крикнул:

– Удачи тебе, герой!

Он оглянулся, мавка высунула голову из кустов, глаза зеленее молодых листочков. Он помахал ей рукой, жаба зашевелилась в мешке и что-то проворчала.

– Я просто чужеземец! – крикнул он.

– Герой! – прокричала она уперто. – К тому же от тебя странный запах... люди его не чуют, но меня он тревожил... Очень! Я даже ноги сдвинуть как следует не могла... Кто ты?

Он засмеялся:

– Если я обернусь тем, кто я есть, под тобой будет лужа побольше того пруда, малышка. И заикой станешь!..

И, не оборачиваясь, зашагал к далеким хаткам. Успел подумать, что хорошо, что не обернулся волком, когда она сидела на его плачах. Бедная мавка очурилась бы с перепуга. Вон жаба покрепче, и то пугается.

В мешке шевельнулось, потом требовательно задергалось, заскреблось. Хрюндя словно услышала его мысли, карабкалась наверх. Он помогать не стал, она сама вылезла, взобралась на плечо, но там так топталась и пыталась слезть, даже делала вид, что вот-вот прыгнет и, конечно же, разобьется в лепешку насмерть, пусть ему будет стыдно, что он снял и опустил на теплую, прогретую солнечными лучами землю.

Жаба сразу же шмыгнула за куст, там присела, выгнула спинку. Вид у нее был в это время уморительно серьезный и сосредоточенный. А потом он неспешно спускался по тропинке, а Хрюндя неумоимо шныряла по кустам, он слышал, как гремят камни, жаба с охотничьей страстью переворачивала валуны, ее узкий язык молниеносно хватал нежнейшее лакомство: мокриц и сороконожек, не успевших убежать от прямого солнечного света. Мрак покрикивал, старался не упускать жабу из виду, а она тоже хитрила, подпрыгивала над кустами, вот я, не потерялась, а сама старалась пробежать так, чтобы между нею и Мраком оставались кусты, когда можно незаметно ухватить гроздь незнакомых ягод.

Однажды раздался истошный визг. Хрюндя неслась к нему с раскрытой пастью, по морде катились крупные слезы, в глазах стояла горькая обида.

– Что стряслось? – спросил Мрак раздраженно.

Он присел, Хрюндя покарабкалась к нему на колени. Пасть держала широко раскрытой, язык высунула. Мрак отшатнулся, язык был черный, а во рту стало сине-черным. Слышался сильный кислый привкус.

– Ах ты ж, дуреха...

Он ухватил ее поперек, Хрюндя завизжала, ее лапы бешено замолотили ему в грудь. Мрак со злостью сдвинул так, что пискнула, как воробей в лапах кошки, бегом помчался вниз по косогору. Ноздри жадно ловили запахи, Хрюндя наконец высвободила морду и орала сиплым голосом. Мрак придавил сильнее, ноги скользили по крутизне, а руки заняты, не ухватишься за ветви, камешки катились впереди, подпрыгивали, исчезали то ли в зелени, то ли за обрывом.

В одном месте деревья стояли гуще, трава там зеленее, и Мрак вломился с разбега, уже чувствовал воздух влажнее, запах сырости и близкой воды.

Хрюндя высвободилась, брякнулась на землю. Мрак ухватил ее за лапу, подтащил к крохотному родничку. Хрюндя скулила, слезы бежали безостановочно. Мрак одной рукой держал ее за холку, другой зачерпнул воду, плеснул в распахнутую пасть.

Хрюндя ошарашенно умолкла, затем заскулила уже тише. Мрак плескал и плескал, а потом сорвал пучок травы и насильно вытер ей пасть. Хрюндя опять орала и вырывалась, а когда высвободиться из могучих рук не удалось, стала брыкаться, как дикий конь. Пасть ее из черной стала ярко-красной, но язык и горло еще оставались в темных пятнах.

– Это еще что, – сказал Мрак безжалостно. – А теперь вот заболит живот!.. Будешь знать, свиненок, как всякую гадость жрать.

Хрюндя смотрела с надеждой, в глазах еще стояли слезы. Мрак подавил желание схватить ее на руки и прижать к груди, все-таки ребенок, хоть и жаба, заставил себя сказать еще строже:

– А чтобы запомнила лучше, что эту гадость жрывать нельзя... нельзя... нельзя...

Он зажал ее голову между колен и звучно отшлепал по толстому заду. Хрюндя вопила так, что звенело в ушах. Вряд ли от боли, скорее – от несправедливой обиды. Ягоды сами вылезли навстречу! И еще пахнут нарочно!

На горизонте красочно заблестели под оранжевым солнцем белые стены большого красивого города. Солнце уже склоняется к краю земли, оранжевый шар начинает багроветь, и кажется, что по чистой городской стене стекают потоки червонного золота.

Дорога расширилась, длинной прерывистой вереницей тянутся подводы, по обочине мчались всадники. Со стороны гор наперерез еще дорога, поменьше, но Мрак в первую очередь рассмотрел, что на перекрестке высится огромный постоялый двор. Просто великанский двор, есть даже конюшня помимо длинной коновязи, слышен частый перестук молоточков, работают в кузне, донесся слабый аромат жженой кости.

Мрак прикинул расстояние до городских стен, сказал громко:

– До ночи не доберемся... А в потемках чего тащиться?

В мешке заворочалось и закричало. Мрак понял правильно: ты, мол, решай сам, мне тут и в мешке хорошо, а где заночевать – я тебе доверяю. Все равно скажу, что не так, можно бы и лучше...

Постоялый двор приближался медленными толчками. Стал яснее бодрящий запах каленого железа, конского пота, а затем пахнуло свежее испеченными хлебными лепешками. При постоялом дворе явно есть все, что требуется путникам, чтобы в город прибыть бодрыми, сытыми и на исправных телегах.

Мрак прошел через двор, на него уважительно оглядывались. Лохматый варвар в волчовке ростом высок, в плечах – косая сажень, руки толстые, а ладони как лопаты. Такие могучие люди выходят, говорят, из лесов загадочной Славии. Еще говорят, что они едят только сырое мясо, а говорить вовсе не умеют, только мычат и показывают знаками, которые человеку не понять, а зверь лесной понимает сразу.

Перед харчевней горел забытый факел, окна светились красным. У коновязи фыркали и обнюхивались трое коней, скрипело колесо колодца, угрюмый мальчишка с натугой тащит наполненную водой бадью. Справа от крыльца на лавке отдыхают девки, одна безуспешно старалась свести вместе края разорванного лифа, но мощная грудь, обрадовавшись свободе, нагло перла навстречу солнцу.

Крепкие мужики выкатили из подвала сорокаведерную бочку и, подкладывая доски, а сзади подпирая плечами, с натугой загнали в распахнутые двери не то подсобки, не то кухни.

Мрак пошел с парадного входа, ступеньки заскрипели под могучим телом. Дверь распахнулась навстречу, но выходящий мужик отступил, прижался к стене. Мрак прошел, как могучий неторопливый тур, сознающий свою мощь среди стада телят. Помещение огромно, два десятка длинных столов, больше половины заняты крепким плечистым народом, кто ж отправит в дальнюю дорогу слабых, но три стола пустые, хотя лавки на месте, а на столешницах, как и положено, – солонки и блюда с горчицей.

Он выбрал стол, который почище, в мешке требовательно заворчало. На него косились, но никто не решался взглянуть в упор. Он вытащил Хрюндю, она сразу встопырилась зачатки хребетика, посадил рядом по левую руку. Хрюндя еще малость потопорщила хребетик, место незнакомое, много шума, чужих голосов, но ее родитель спокоен, и она, широко зевнув, припала к лавке брюхом.

Хозяин подошел сам, слуг не решился послать к мрачноватому незнакомцу, все испортят, по дорогам же разные люди, это не город, поклонился и сказал:

– Есть?.. Пить?.. Спать?

Он раскрыл рот и потыкал в него пальцем. Почмокал, почавкал, потом сложил ладони и прижал их к уху, склонив голову набок. Жаба приподнялась, заворчала, но смотрела с интересом.

– Тихо, – сказал ей Мрак. – Никто с тобой не играет. Это он говорить учится. Дикий тут народ живет, видать... Слушай, друг! Принеси поесть... хорошо поесть, понял? И вина, чтобы горло промочить. Не напиваться, а только чтоб горло промочить.

Он все это повторил знаками, копируя жесты хозяина. Хозяин вздохнул с облегчением, незнакомец явно не слаб, смерил взглядом могучую фигуру гостя, повторил:

– Только горло промочить?.. Бочонка хватит? Или два?.. Ладно, я тоже шутить могу. Все принесу сам. Впервые такую пару вижу. А ей что?

– Мух, – сказал Мрак, – но ладно уж, обойдется... Пусть жрет, не перебирая.

Хозяин с интересом рассматривал недовольную вниманием жабу.

– Что это вообще такое?

– Ящерица, – ответил Мрак.

– Ящерица? Такая толстая?

– На себя посмотри, – огрызнулся Мрак.

– Да ладно тебе... Это у тебя жаба, не вижу, что ли?

– А что такое ящерица, как не худая жаба? Однажды дура-жаба протиснулась через замочную скважину, стала ящерицей... А моя умница в дырку не полезла.

Хозяин помахал рукой, пробежавший мальчишка тут же поставил на стол широкую тарелку с нарезанным на ломти хлебом, умчался. Мрак взял один ломоть, посолил и начал есть, чувствуя хороший звериный голод.

Хозяин взглянул понимающе.

– Левша?

Мрак скривился.

– Если бы. Думаешь, удобно держать в левой?

Хозяин помолчал, но странный гость ничего не объяснял, и он сам посоветовал туповатому варвару:

– Так возьми в правую.

– Да? Ну, взгляни.

Мрак взял ломоть хлеба в правую, начал неторопливо есть. Жаба, что сидела рядом, внезапно протянула лапу и мощно стукнула Мрака по руке. Ломоть выпал, жаба молниеносно подхватила широкой пастью, отпрыгнула на другой конец лавки. Гребень на спине вздыбился. Она быстро сжевала хлеб, снова придвинулась на прежнее место, глядя невинными глазами.

Мрак выругался. Хозяин захохотал, потом с великой укоризной покачал головой:

– Не кормишь бедную тварь!

Мрак выругался снова. Отломил ломоть и сунул жабе под нос. Она презрительно отвернулась.

– Видишь? – сказал Мрак зло. – Ей так неинтересно. Ей добычу подавай! Охотница.

Хозяин ржал так, что всхлипывал и цеплялся за стол, чтобы не упасть. Наконец сказал, вытирая слезы и меряя уважительным взглядом широкие плечи Мрака:

– Да, она проделывает то, на что решится не всякий храбрец. Ставлю выпивку за свой счет!.. Давно таких чудес не видывал.

Таргитай обычно старался в чужих городах попробовать всякую еду – любопытный, Олегу всегда без разницы, что ест, – умный, значит, а вот он, Мрак, замечал, что ест, но разносолы не жаловал. И сейчас ему принесли молочного поросенка, бараний бок с кашей, а также вина. Хозяин заикнулся было насчет какого, но Мрак ответил твердо, что хорошего, а уж красного или белого, да еще с названием, – это блажь, это причуды всяких местных таргитаев.

Поросенок провалился в абсолютно пустой желудок: остатки оленины уже перешли в мышцы, в тело, откуда по мере надобности будут истаивать, за поросенком пошел бараний бок, все это Мрак запивал вином – красным, терпким, подстегивающим аппетит, а когда принесли птицу, он распустил пояс, ел уже без голода, но со здоровым аппетитом человека, что умеет насыщаться в запас.

Комната, за которую предусмотрительный хозяин взял плату вперед, оказалась даже шире и просторнее, чем он ожидал за такие деньги. Вообще-то комната на двоих, но пока есть свободные, можно не тесниться. Могучее ложе, длинный стол и две широкие лавки, на которых при нужде тоже можно уложить двоих на ночлег, широкое окно, а с той стороны – массивные ставни из дубовых досок.

– Поели, – объявил он Хрюнде наставительно, – теперь спать! Поняла?

Хрюндя скакала на всех четырех, деловито обследовала просторное помещение, где столько нового и интересного. На окрик не обратила внимания, ушей нет, а по ее наглой роже Мрак никогда не мог определить, слышит или нет.

– Какая ты противная, – сказал он. – Свиненок. Перепончатый свиненок. Свинястик.

Тяжелые сапоги стянул, швырнул под стол. Натруженные ноги сладко занули. Он лег на кровать, суставы прямо на глазах распрямлялись, удлинялись, а по мясу прошла легкая приятная дрожь с покалыванием.

Хрюндя с печальной мордой уселась у самой двери. Взор был неотрывно устремлен на крюк, где висел их дорожный мешок. В глазах были тоска и надежда, что мешок потихоньку начнет слезать, тут она его и схватит, и потреплет, и потаскает по всей комнате, и потискает, и погрызет всласть толстые кожаные лямки...

– Да не слезет, – бросил Мрак сердито. – Что он, дурной? Ложись, спи.

За окном медленно угасал закат. Багровость перелилась в темный пурпур, фиолет, тусклые звезды наливались светом. Он лежал, закинув руки за голову. Вспомнилась мавка. Потом пошел мыслью дальше, глубже, этот страшный разговор с Олегом, когда тот открыл ему, сволочь, жуткую истину... без которой так хорошо бы жилось... Что он теперь, если не прибудут, не зарежут, не удавят, если сам не утонет или как-то иначе не лишится жизни, может жить до бесконечности!

Да он после того разговора неделю сидел в пещере, дрожал. Одно дело знать, что жизнь коротка, все равно скоро помрешь, как бы ни изощрялся, храбрым или трусом жил... и совсем другое, когда вот так. Если прожить всю жизнь в такой скорлупе, чтобы не тронули и чтобы сверху дерево или камень с горы не упали, то... будут меняться эпохи, реки будут менять русла, леса будут вырастать, как трава, и сменяться степями, пустынями, на их местах будут возникать моря, а через тысячи лет и те будут высыхать, а он все так же будет...

– Что будет? – прошептал он вслух. – Что будет?.. Я-то буду, но будет ли жизнь у меня... Нет, я верно сделал, что вот так... Надо жить, в драки не лезть... Ссор избегать, я уже не тот Мрак, что вышел из Леса... но и в пещерах прятаться негоже... Наверное, негоже.

В полутьме чуть шелестнуло. Он присмотрелся, сердце сжалось. Бедная Хрюндя утащила его сапог под лавку, спала, положив на него голову и обхватив обеими лапами. Ей было неудобно, но зато и во сне чуяла его запах, не так страшно и одиноко.

– Бедная зверюка, – сказал Мрак тихо. – Я все равно тебя люблю.

Он осторожно высвободил сапог, Хрюндя тут же подняла голову. Глаза, еще затуманенные сном, уставились с опаской и надеждой. Мрак погладил ее по шипастой голове, вернулся к ложу. Уже в темноте, когда лежал и прислушивался к шорохам за стеной, услышал, как тихо простучали коготки по комнате.

В лунном свете мелькнул силуэт с гребешком на спине. В зубах опять сапог, потом из дальнего угла послышался удовлетворенный вздох, глухо стукнуло, словно на пол бросили мешок с костями.

Свиенок противный, подумал Мрак сердито. Еще прогрызет сапог сдуру. Или из великой любви... Кто их, жаб, разберет.

Нехотя поднялся, пересек помещение. Руки в темном углу нащупали шипастую спинку. Жаба затихла, но сапог прижимала к груди обеими лапами. Вздохнув, он поднял ее, перенес к себе и положил рядом. Хрюндя наконец выпустила сапог, замерла, боясь поверить в неслыханное счастье. Он слышал, как колотилось ее маленькое сердечко, подгреб ближе и быстро заснул, сам странно успокоенный и умиротворенный.

Поздно ночью, судя по шуму и окрикам, прибыл богатый караван. В дороге, объясняли хозяину под самым его окном, сломалась тяжело груженная телега с товарами, кое-как дотащились. Мрак сквозь сон слышал, как со двора тут же донесся стук молота, а ночь озарилась багровыми сполохами. Всяк поработает ночью, если платят вдвойне. Кожевенных дел мастера спешно починяют конскую сбрую, ремни, слышно по запахам, все пришло в негодность за долгий путь, а завтра надо успеть на ярмарку.

Купцов, караванщиков, стражу распихали по свободным и полусвободным помещениям. В комнату к Мраку поселили купца. Мрак отвернулся к стене, не интересуясь, на какой из лавок купец заснет, захрапел всласть.

Хрюндя некоторое время устраивалась на новом месте в кольце его рук, подгребала лапки, тыкалась холодным носом, ерзала, но заснула раньше Мрака. Он снова ощутил себя в волчьей шкуре, вон с Ховрахом охраняет дверь, Ховрах пьет и наливает ему, маленькая Кузя теревит его за уши, расчесывает шерсть, целует в волчий нос и требовательно обещает выйти за него замуж...

Утром он проснулся с рассветом, даже купец еще спал, пошарил в постели, звучно похлопал ладонью, разбудив купца, слез и, сидя на краю кровати, обвел помещение злыми глазами.

Сонный купец забеспокоился, сосед выглядит больно грозным, с таким если в лесу встретишься – сразу все с себя сам снимешь, только бы душу не губил, но Мрак на него внимания не обращал, снова зачем-то похлопал ладонью по смятой постели, подхватил с пола сапог и швырнул в стену, где висела одежда. Прислушался, взял второй сапог и подозрительно обвел налитыми злобой глазами комнату.

Купец с тревогой следил за странным варваром, спросил трепещущим голосом:

– Дорогой друг, что-то случилось?

– Еще как, – прорычал Мрак.

– Я могу помочь?

– Можешь... – рыкнул Мрак. Внезапно гаркнул: – Вылезай, тварь дрожащая!

Купец поспешно соскочил с лавки, потом лишь сообразил, что лохматый варвар смотрит мимо. В испуге тоже оглядел комнату. Как говорится, ни удавиться, ни зарезаться нечем. Здесь если кто и спрячется, то не крупнее таракана. А варвар не похож на человека, который бьется с тараканами.

– Я знал одного, – сказал он осторожно, – который воевал с драконами. Только тех драконов никто не зрел, кроме него самого.

Мрак, не слушая, присмотрелся к горшку с цветами, радостно заорал:

– Ага, вчера этого горшка не было!

Перекувырнувшись в воздухе, сапог угодил каблуком в задорно выпяченный бок. Звякнуло, горшок разлетелся на куски в комьях земли. Черепки со звоном посыпались на пол, цветок повис на подоконнике, а сапог вылетел в окно. Мрак выругался с таким остервенением, что купец отпрыгнул и снова быстро оглядел комнату.

– Что с тобой?

– Откуда этот горшок взялся?

– Час назад дочка хозяина принесла, – сказал купец завистливо. – Сама рвала, лазила в саду чуть ли не ночью. Говорит, чужестранцу уважение оказать надобно.

Мрак стиснул кулаки. Купец вздрогнул и присел, когда варвар заорал, страшно багровея и раздувая дикие ноздри:

– Вылезай!.. Прибью, разорву, растопчу!

Купец не успел молвить, что от такого приглашения любой спрячется еще дальше, но внезапно под потолком хрюкнуло. Кусок стены отделился, рухнул на пол. Это оказалась необыкновенно крупная жаба, толстая, сытая, с нагло вытаращенными глазами. По всему ее телу мерцал, исчезая, рисунок сосновых досок.

– Тварь, – сказал Мрак с отвращением. – Даже тень научилась скрывать... И запах уже поддельвает!

Жаба кинулась к нему лизаться, варвар сердито отпихнул ее. Купец едва отыскал убежавший в подвал и забившийся там за бочками голос:

– Это... кто?

– Сам видишь, – огрызнулся Мрак. – Жаба-переросток.

– А чего она... так?

– Из подлости, – сказал Мрак. – Подлая она тварь!

Купец смотрел вытаращенными глазами. Промямлил:

– Вообще-то что-то слышал... В дальних странах как-то рассказывали... Когда они совсем малые, их мамаша защищает. А когда начинают отползать от нее, то их может сожрать любой, они ж пока совсем хилые. Вот и наловчились то камешками прикидываться, то...

Мрак сказал упрямо:

– Из подлости, я говорю! Раньше такого не вытворяла!

– Наверное, тоже растет, – сказал купец. Посмотрел на жабу, пугливо отодвинулся. – Хотя, наверное, я ошибся...

– Точно?

– Точно, – ответил купец со вздохом. – Это я слышал не про жаб. Ох, точно не про жаб.

– Это хуже, чем жаба, – заявил Мрак. – Эх, когда-нибудь прибью...

Жаба прыгала вокруг, рот до ушей, длинный раздвоенный язык трепещет, как быстрый язычок огня. Толстый короткий хвостик с таким рвением ходит из стороны в сторону, что жабу заносило из стороны в сторону.

Мрак нагнулся, взял маленькое страшилище на руки, но она выдралась и залезла ему на плечо. Мрак сказал укоризненно:

– Ты уже почти кабан, а не лягушечка! И до каких пор будешь там сидеть?

Купец выпученными глазами наблюдал, как варвар пошел к выходу, а жаба качалась на его широком плече, будто в самом деде кабан старался удержаться на толстом бревне. Наконец жаба прижалась всем пузом, вцепилась, варвар вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

В харчевне с утра безлюдно, Мрак выбрал дальний стол в углу, снял с плеча жабу. Она сидела на лавке, Мрак бросал ей ломтики мяса, жаба звучно хлопала широкой пастью, ловила. Когда он ткнул ей в морду ломтик, она брезгливо отодвинулась.

– Зараза, – сказал он с сердцем, – все бы тебе играть... Лови!

Спиной к нему сидел худощавый старик с распущенными по плечам седыми волосами. Услышав голос, вздрогнул, повернулся. Мрак не обращал внимания, бросал ломтики мяса повыше, жаба вошла в азарт, подпрыгивала так, что лавка ходила ходуном, звучно шлепала челюстями.

Старик наконец решил покинуть свой стол. Мрак обратил внимание на него не раньше, чем тот трижды поклонился, спросил робко разрешения присесть за их стол. От него не сильно, но ощутимо пахло дорогими маслами. Наконец Мрак буркнул:

– Ну чего тебе, старик?.. Я чту старших, но свободных столов здесь полно.

Старик с жадным вниманием всматривался в его лицо, длинные нервные пальцы все время суетливо двигались, будто вязали рыбацкую сеть.

– Можно сесть? – спросил он в который раз. – Премного благодарствую... Боги, что за голос, что за статья...

Мрак кивнул, старик сел, тут же выложил на стол монету. Жаба попыталась покарабкаться на стол за блестящим кружочком, Мрак ухватил за хвостик и дернул обратно.

– Так чего надобно? – спросил Мрак недружелюбно.

Жаба двинулась по лавке с явным намерением перепрыгнуть на соседнюю и добраться до старика. Мрак поймал за лапу и утащил назад, прижал к боку. Жаба зашипела и начала брыкаться всеми четырьмя, выворачиваться.

Старик кивнул на золотую монету.

– Угощение за мой счет.

– На это можно упоить весь постоялый двор.

Старик вяло отмахнулся, глаза его с жадным вниманием осматривали лицо Мрака, изучали, чуть не лезли ему в рот, не щупали зубы и уши.

– Я могу себе это позволить.

– Ну-ну... За что будем пить?

Старик хихикнул:

– Да за что угодно. За свое здоровье, например. За то, чтобы завтра была добрая погода.

– Не знаю, не знаю, – прорычал Мрак с сомнением. – Для кого добрая – солнце, для кого – дождь. Что-то ты мне не ндрависься, батя. Больно непростой ты человек. И руки у тебя холеные. И пахнут дорогими благовониями... Такие люди так просто по дорогам не шляются.

Старик неотрывно изучал его из-под нависших седых бровей. Взгляд был колючим, но не враждебным.

– А ты наблюдательный, – произнес он с некоторой нервозностью. – Это еще лучше. Да, ты прав. Я человек из... дворца. Вон там стольный град, как ты уже знаешь, Барбус. Дальше рассказывать не надо?

Мрак отмахнулся.

– Не надо. Ты здесь встречаешься со всякими лазутчиками. Чтоб подальше от чужих глаз и ушей. Но мне это до прошлогодних листьев. Меня сейчас больше заботит эта проклятая жаба, что так и норовит нашкодить, спереть, поломать, опрокинуть, напасть...

Старик покачал головой. Во взгляде росло уважение.

– Гм, с лазутчиками?.. Да, ты не прост. Как тебя зовут, доблестный варвар?

– Мрак.

– А меня... Агиляр. Пока просто – Агиляр. У меня к тебе предложение, доблестный Мрак.

– Не интересуюсь, – ответил Мрак твердо.

Старик прищурился.

– Ты даже не выслушал.

– Меня никто больше не интересуется, – отрезал Мрак. – Я много воевал, меня воевали, я кого-то бил, резал, меня тоже резали... по живому. Но сейчас я обнаружил, что у меня уже есть такое сокровище...

Старик насторожился.

– Какое?

– Моя жизнь, – ответил Мрак просто.

Старик слегка скривил губы:

– А раньше не знал?

– Да как-то... не догадывался.

– Как и все мы, – сказал старик. – А сейчас, значит, ты посидел в тиши, подумал... и додумался?

– Что-то вроде этого.

Старик подумал, пожевал губами. Лицо его медленно светлело. Он даже ладони потер одна о другую. Глаза заблестели.

– Все-таки боги есть, – произнес он с чувством. – И они следят за родом Яфета! Надо же, именно в это время послать тебя! И сразу послужить тебе и нам...

Мрак покачал головой.

– Ты можешь даже и не рассказывать, старик.

– Почему?

– Я же сказал, – отрезал Мрак. – У меня есть все, что мне надо.

Жаба брыкалась, отбивалась всеми четырьмя, норовила соскочить с лавки. Агиляр при-смотрелся, сказал уверенно:

– Если сейчас не отпустишь, обделает штаны. Советую вообще вынести на двор. Или на улицу. Пока на руках, будет терпеть, а как только отпустишь... Не стоит, чтобы пачкала пол. Хозяин с тебя возьмет двойную плату.

Мрак ругнулся, подхватил жабу, почти бегом вынес во двор, но здесь столпотворение, караван спешно готовится в путь, запрягают волов, коней, все суетятся, двор уже тесен...

Старик вышел за ним на улицу. Жаба, едва оказавшись на земле, сделала три гигантских прыжка, спряталась за крупным лопухом, видно было, как там согнулась, сидя на полусогнутых задних, морда стала очень задумчивая и серьезная.

– Ты устал, – участливо сказал старик за спиной Мрака. – Тебе хочется найти спокойное место, отдохнуть, отсидеться. Чтоб никто тебя не трогал, чтоб и ты никому ничем не был обязан. Не удивляйся, я все знаю... Мы все через это прошли, потому и знаю. Сейчас ты уверен, что уже закончил все свое бурное... Нет-нет, я не переубеждаю! Как раз это и хорошо. Именно вот таким спокойным сидением в теплом райском уголке... такой вот прекрасной передышкой ты можешь очень сильно помочь одному хорошему... даже прекрасному человеку.

Мрак с сомнением покачал головой.

– Что-то трудно верится.

– Еще бы! – ответил старик. – Но никому бы и не могло такое счастье выпасть, но ты... твоя внешность... Даже голос...

– Помочь одному хорошему человеку? – повторил Мрак с горькой насмешкой. – Обычно помогают тем, что стараются перебить его соседей, чьи куры топчут его огород, а то и роют, сжечь хаты, изнасиловать жен и дочерей...

Старик испуганно замахал руками.

– Что ты, что ты! Или это так шутишь?.. Наоборот, ничего делать не надо.

– Как это не надо?

– Вообще ничего делать не надо!

– Разве такое бывает?

– Да я ж говорю...

– Ну ладно, говори.

– Этот хороший человек, о котором веду речь, очень любит умные беседы с мудрецами, а еще больше любит в ночи смотреть на звезды, мыслить, зачем они и для чего, сидеть в тиши... Ему бы в пещерах жить, истину искать...

Мрак покачал головой.

– Я знаю одного, который тоже рвется в пещеры. А что, кто-то не пускает в пещеры?

Старик скорбно вздохнул.

– Не кто-то, а что-то. Понимаешь, это... но ты должен пообещать, что разговор только между нами. Обещаешь? Клянешься? Небом и своими родителями?... Хорошо, только держись за что-нибудь, а то упадешь. Этот человек – тцар всей Барбуссии!.. Дел столько, что он совсем захирел... А ему срочно надо закончить одну работу. Понимаешь, он составляет карту... звезд! Звездную карту. Осталось совсем немного, но для этого ему надо, чтобы хоть пару недель никто не трогал. А лучше – месяц. Он все мысли должен направить на решение... а ему приходится разбирать придворные склоки! За месяц он точно все закончит... А то и раньше. Но все бросить и уйти в свою обсерваторию тоже нельзя.

– Почему? – удивился Мрак. – Он тцар или не тцар?

– Тцар, – ответил старик. – А тцар должен заботиться о подданных. Пока он на троне – в тцарстве все спокойно. Но как только исчезнет, тут такое начнется! Наследников у него аж три, и все трое такие... нет-нет, они не ползут, слишком малы, но от их имени могут начать такую склоку, что не приведи боги! А с ними на трон ползут всякие... Море крови прольется!

– Ага, – ответил Мрак. – Понял. Ну а теперь к делу. Я при чем?

– Понимаешь, мы с тцаром придумали... не лупи глаза, я – его главный советник!.. Что, не похож?

– Похож, – пробормотал Мрак.

– То-то... Мы придумали на недельку-другую дать ему уйти из дворца, вообще из города... Есть у меня одна хорошая женщина на примете, хороший дом, где он отдохнет, отлежится, на звезды по-другому посмотрит, придумает систему получше, как эти звезды расположить... А потом вернется как новенький!.. А на троне все это время просидишь... ты.

Мрак отшатнулся:

– Сдурел?

– Вы с ним как две капли воды, – объяснил старик настойчиво. – Просто этого никто не видит, так как тцар всегда в золотых одеждах, в высокой шапке, взор надменен и тцарственен... Это я только могу увидеть, что похожи! Я ж видел тцара и... без тцарственных одежд. Если ему волосы чуть отрастить да взлохматить... да не дать брить бороду недели две... вылитый ты!

– Ты оборзел, – сказал Мрак с отвращением. – Что с того, что рожей схожи? А повадки?.. Всяк узрит, что я того не знаю, того не помню... Ничего себе, тцар!

Старик протестующе выставил ладони.

– Наш тцар – мудрец! А это значит, малость с придурью. Он все время забывает, что ел, с кем разговаривал, кого призвал пред свои ясны очи... Звезды все до единой по именам знает, а своих жен не помнит!

Мрак спросил с проснувшимся интересом:

– А много ли жен?

Старик отмахнулся:

– Да это так говорится. Такому тцару положено сотни две. Меньше нельзя – урон его имени. Но он сразу сказал, что одного вида этих дур не выносит. Конечно, малость зазвездился: кто от женщин ума ждет? Словом, у него была только одна жена, он ее любил очень сильно, но с полгода тому она тяжело заболела и померла. Я сам видел, как он страдал и убивался. С тех пор и пристрастился к звездному небу... Словом, ты знай: при тебе всегда буду я! Я все знаю, всех вижу насквозь. Всегда под рукой. Ты только взгляни, я тут же вмешаюсь. Либо

подскажу на ушко, при тцаре всегда советник, либо отложим: тцару-де надобно обмыслить. От тебя только и требуется, чтобы тебя время от времени просто видели. Хотя бы издалека. Можешь рот вообще не раскрывать. Для того и существуют советники... Но тцар во дворце должен быть, иначе...

– Что иначе?

– Иначе, – вздохнул старик, – интриги, заговоры, борьба за трон, война... А когда видят тцара, да к тому же тцар бодр и весел, то и все бодры и веселы. И про борьбу за трон не думают.

Он смотрел в лицо Мрака уверенно и требовательно. Мрак покосился в ответ хмуро, уже раскрыл рот, чтобы послать этого советчика подальше, но вдруг в черепе мелькнуло неожиданное: а почему бы и нет? Сам же собирался остановиться и перевести дух. С того дня, как вышли из Леса, каждый день – бегом, надсаживая грудь, дым из ушей, секира уже приросла к рукам, все время то бьешь по головам, то сам получаешь... Дрались с тцарами, магами, даже богами, не говоря уж про всяких там чудищ и прочую мелочь. Потом сердце обливалось кровью в Куявии, что сейчас с каждым днем отдаляется за горным хребтом... А вот сейчас прямо носом тычут в местечко, где может пожить спокойно, без драк и надрываний сердца.

– И как ты это мыслишь? – спросил он все еще с недоверием.

Старик сказал быстро, чувствовалось, что план продуман давно:

– Ты ждешь в условленном месте. Я сейчас возвращаюсь, договариваюсь с тцаром. Привожу его... нет, не сейчас, лучше в полночь. Вы быстренько меняетесь одеждой. После чего расходитесь. Поодиночке, чтобы никто вас вместе не увидел. Тцар уходит в свою обсерваторию... нет, в уединение, а я тебя увожу во дворец, в тцарские покои, где ты будешь отдыхать две-три недели. От силы – месяц. После чего так же тайно поменяетесь... ты получишь больше золота, чем видел в своей жизни!

Мрак подумал, что он видел золота побольше, чем старик даже может вообразить, но смолчал, не в золоте дело, спросил только:

– И где тайная встреча?

Первый день в Барбусе

Жаба лежала посредине ложа кверху брюхом. Подушку ухитрилась скомкать, изжевать угол, после чего вовсе спихнула на пол. Мрак почесал ей пальцем широкую грудку, она захрюкала и подрыгала задней лапой. Он тихонько прикрыл ее одеялом, отошел на цыпочках. Дверь тихонько скрипнула, он оглянулся, но жаба дрыхла, не больше чувствительная к звукам и шорохам, чем булыжник.

Внизу в харчевне слышались удалые голоса, кто-то кому-то бьет морду, другие постояльцы пробуют петь, слышен звон посуды. Ноги бесшумно вынесли его потихоньку на улицу, легкие жадно ухватили запах свежескошенного сена, молодой хвои, березовых листьев, ароматы конской сбруи.

Небо выгнулось темным загадочным куполом, звезды мелкие, колючие, совсем не роскошно летние, а будто кристаллики льда. Бледный ковшик ныряет в темных тучах, как в беспокойном море. Корчма отдалялась за спиной, со всех сторон обступила тьма: факелы у крыльца трусливо остались там, в уюте и безопасности, а к слабому свету звезд обнаглевшие человечесьи глаза привыкают чересчур медленно.

Он пошел, однако, быстро, потом перешел на бег. Мир стал черно-белым, краски исчезли, зато видел отчетливо: глаза оставались наполовину волчьими, а ноздри жадно ловят запахи, даже со слабым человеческим нюхом мог сказать, где недавно проехала телега, что на ней везли, а где дорогу пересек странный караван, в котором была только рыба и железо, много железа...

Развалины он увидел издали, даже не развалины, а просто груды камней, остатки поставшей и рассыпавшейся горы. Луна изредка выныривала из прорех тучи, бледный неживой свет падал на гладкие, как огромные яйца, валуны, но от такого света в щелях становилось еще темнее.

Мрак перешел на шаг, сказал:

– Привет, Агиляр! Можешь не прятаться, я хорошо тебя вижу.

В темноте завозились, Мрак услышал кряхтение и недовольный голос:

– Я думал, меня никто не может заметить...

– Тогда не ешь мясо с жареным луком, – сказал Мрак. – И не заедай пережаренной яичницей с диким чесноком. Да и вино ты пил как-то странно: будто плавал в нем...

Из темноты выступил Агиляр, сказал торопливо:

– Это я растирал вином ноги. Думаешь, легко в мои годы вот так, как бродяга? Да еще ночью?.. Мои одногодки вот сейчас спят на мягких ложах...

– Вином, – сказал Мрак, – ноги?

– Ноги, – ответил Агиляр со злорадством. – Хорошим вином!

– Не худо быть советником?

– Тцаром побыть еще нехудее, – ответил Агиляр.

Мрак не ответил, всматривался в темноту. Там смутно виднелся человек в длинной бесформенной одежде. Настолько бесформенной, что нельзя ничего сказать о сложении, но явно дороден, в плечах широк. Рукава халата опускаются чуть ли не до кончиков пальцев, но запах подсказал, что пальцы достаточно толстые, кровь застаивается из-за тесных золотых перстней и колец, волосы на пальцах лоснятся от душистого масла. На голове высокая раззолоченная шапка, с боков опускаются уши из дорогой материи, тоже расшитой золотыми нитями, украшенной рубинами, изумрудами, опалами и какими-то сиреневыми камешками.

Агиляр спохватился, сказал с поклоном:

– Ваше Величество, вот этот человек... Взгляните, он – как две капли воды!

Из темноты раздался раздраженный голос:

– А что тут увидишь?

Тцар вышел на залитый лунным светом участок. Одежда на нем вспыхнула и заблестала даже при таком скудном освещении. Мрак невольно подумал, что Агиляр прав: на кого ни нацепи вот это великолепие, того и будут принимать за тцара. Даже если будет хоть козлом рогатым, будут смотреть только на корону.

Он молчал, Агиляр с тревогой всмотрелся в его лицо, оглянулся на тцара:

– Ваше Величество!.. Я сделал все, что вы желали!

Тцар кивнул, пророкотал сильным голосом:

– Тогда не будем тянуть время.

Агиляр обеими руками бережно снял с головы тцара раззолоченную шапку. На плечи тцара упали черные смоляные кудри, густые, обильные. Сейчас он смутно смахивал на атамана разбойников, а также на того здоровяка, которого Мрак видел, когда наклонялся над спокойной водой озера.

– Похожи, – признал Мрак. – Но кого это обманет?

Тцар смотрел высокомерно, а старик сказал быстро:

– Всех! Ты не понимаешь, все видят прежде всего тцарский блеск. Входя в зал, видят роскошь зала, идут по ковровой дорожке к трону, а там блеск золота, драгоценных камней, ароматы...

Мрак прервал:

– Я про тех, кто ближе. Таких, как ты.

– Таких немного, – ответил старик. Посмотрел на тцара, добавил: – Его Величество подтвердит, что самый близкий – я. Но и я сейчас настолько поражен сходством... Пока различие только в одежде да в волосах. Да, волосы... Именно волосы делают вас разными людьми! И, конечно, запах. От тцара пахнет дорогими благовониями, от тебя – лесным зверем... Словом, я не стал бы задерживаться, Ваше Величество...

– Погодите, – сказал Мрак. – Это ты мне верещишь, как сорока, а тцар слова не сказал. Может, ты все брешешь. Мы договариваемся на две недели, так?

Тцар кивнул нехотя.

– Можно и больше, – сказал он густым и сильным, но каким-то чересчур мягким голосом. – Но пусть будет две недели, ладно.

– Где встречаемся?

– Я знаю одну уютную пещеру у Лиловых Мечей, – начал тцар, но Агиляр решительно прервал:

– Нет, это блажь, совсем уж превращаться в отшельника!.. Ваше Величество, вы, как мы и договаривались, отправитесь во владения моего кузена Черного Листа. Вам будет оказан лучший уход, и вы сможете без помех и забот составлять карту...

Тцар сказал торопливо:

– Да-да, ты прав. Поспешим.

Он начал сбрасывать одежды. Сбрасывал, сбрасывал, У ног его уже блистала целая груда, а он все сбрасывал. Мрак, у которого всей одежды была родная волчовка, которую так не любил менять на что-то иное, из-за чего всякий раз заказывал кожевникам точно такую же, стоял голый и терпеливо ждал.

Агиляр так умело помогал тцару раздеваться, что Мрак заподозрил, что тцар вообще не умеет этого делать сам. Когда тцар остался совсем в чем-то вроде сверкающей дорогим шелком набедренной повязки, Агиляр помог ему облачиться в волчовку, а уж затем начал объяснять Мраку, что одевать сперва, а что потом. Мраку он помогать не стал, явно тцар потом его не допустит к себе.

Напоследок старик упрятал дико торчащие волосы Мрака под тцарский платок тонкой работы, затем хотел нахлобучить шапку, но Мрак воспротивился:

– Еще и шапку? При такой жаре? Да вы там рухнулись?

Агиляр сказал упрямо:

– Его Величество поверх этой шапки носит еще и царский колпак или корону. Это обязательные атрибуты власти. Давай надевай. У тебя должен быть привычный царский облик, тогда никто ничего не подумает.

Он повернулся к царю, старательно разлохматил ему волосы, стараясь придать вид как можно более дикий. Хотел даже вымазать грязью, но Мрак обиделся:

– Это я грязный? Потный – да, лето не мылся... хотя сколько того лета, но чтоб грязный?

Старик сказал царю, на Мрака не обращая внимания:

– Главное, Ваше Величество, вы идите вот так... нет, вот так, как зверь! И зыркайте, зыркайте из-под бровей по сторонам... Брови у вас... соответствующие. Если что не нравится, тут же вот так приподнимите верхнюю губу, чтобы клык показать... это действует, у меня всякий раз мороз по коже... Не получается? Странно, а у этого зверюки как бы само собой. Но это ничего, вид у вас такой, что все и так разбегутся, будто перед набегом гиксов.

Цар старательно копировал манеру Мрака, наконец старик остановил:

– Все хорошо. Для вас вовсе не обязательно вживаться в его личину. Просто выйдите, а потом... потом как уговорено. Это ему будет потруднее... Нет-нет, не брыкайся, я буду все время рядом.

Цар молча кивнул, забросил на спину дорожный мешок Мрака и вышел из тени на улицу. Мрак смотрел, как на самого себя со стороны. Цар запустил пятерню в затылок, почесался, потом поскреб в подмышках, скотина, неужели и он так делает, а потом... Мрак не поверил глазам: цар выудил что-то мелкое из волос на голове, долго рассматривал под лунным светом, потом сдвинул большими ногтями обеих рук. Мраку почудился легкий треск.

– Скотина, – ахнул он. – Да у меня сроду вшей не было!.. Блохи – да, да и то не на... совсем не, но чтоб вши...

Старик вцепился в него, как клещ, оттащивал, а цар, как будто ощутив угрозу, пошел вдоль улицы широкими шагами, вскоре исчез за темным поворотом.

– Это так шутил, – сказал наконец Агиляр с великим изумлением. – Фу, как одежда меняет человека... Чтоб Его Величество да расшутился?

– Я бы за такие шуточки, – проворчал Мрак озлобленно.

– Тихо, – сказал старик. – Сейчас мы отправимся обратно...

– Куда, в корчму?

– Во дворец, дурень!..

– А как на воротах?

Старик отмахнулся с пренебрежением.

– Какие ворота?.. В любом дворце, в любой крепости прежде всего копают подземный ход. Чтобы можно было убегать, если враг осадит, или же, напротив, привести тайком подмогу... Пойдем. Ты здоровый, отодвинь-ка вот тот камень...

Мрак отодвинул, он уже чуял обострившимся нюхом, как тянет снизу холодом. Старик пошел первым, в темноте слышно было стук огнива, вспыхнул факел. Мрак двигался за стариком, чувствуя себя странно и нелепо в такой одежде.

Старик оглянулся, как будто ощутил его колебания, сказал подбадривающе:

– Ничего, сейчас придем, сразу рухнешь в такую мягкую постель, какой свет не видывал!.. И целыми днями только ешь, пей да спи. Отлежишься вволю...

Ход шел ровный, только шапку Мрак все-таки снял и нес в руках, да и то приходилось пригибаться. Справа и слева плечи задевали стены из серого гранита. Под ногами только небольшие выступы, но вообще-то ход неведомые строители делали старательно. Явно не торопились, время было.

Наконец старик сказал тихо:

– Все, за той стеной – уже дворец. Надень шапку. Если кого встретим, ничего не говори, ясно? Все, что надо, скажу я. Нам сейчас главное – пройти в тцарские покои. На беду, тайный ход от тцарских покоев далековато, нам надо через четыре зала, а там стражи...

Мрак пробурчал:

– А что нам стражи? Была бы у меня моя секира...

Агиляр бросил раздраженно:

– И думать забудь! Это теперь твои стражи, забыл?.. Верные, преданные. Даже, бывает, чересчур...

Он осторожно потрогал плиту, навалился. Мрак услышал приглушенное кряхтенье. Он уже уловил место, что неподвижная плита, а где поворотный камень, протянул руку и надавил. Камень сдвинулся, старик быстро выскользнул, махнул ему. Мрак вылез следом. Камень бесшумно опустился на место.

Зал был полутемен, светильники горели только возле дверей, два у двери слева, и еще два – на противоположном конце зала. Агиляр поманил Мрака, быстро пошли через зал, под ногами вытертые до блеска мраморные плиты, воздух пропитан запахом благовоний, душистых масел.

– А теперь сюда, Ваше Величество, – приговаривал старик полусшепотом, а потом еще тише: – Шаги, шаги мельче!.. В тцарских покоях так не шагают!..

– Мужчина должен быть широким, – буркнул Мрак, но послушно сделал шажки мельче, из-за чего они стали двигаться совсем как улитки, зато с важностью. – По этим залам можно вообще верхом на коне...

– На колеснице, – прошипел старик. – Тцарскому достоинству надлежит пользоваться только колесницей. Изготовленной в особой тцарской мастерской по тцарским колесницам.

Он толкнул дверь, по ту сторону звякнуло железо. Мрак видел краем глаза, как двое воинов, охранявших дверь с той стороны, вскочили и сделали вид, что последний раз спали вообще в детстве.

Старик махнул рукой, Мрак постарался стражей вообще не замечать, он тцар, а тцар замечает только себе подобных, Агиляр повел его по довольно темному переходу, далеко впереди угадывался еще один зал, там свет, но здесь...

...Мраку почудилось какое-то движение. Он насторожился, но все вроде бы тихо, только медленно тает запах крупного мужчины, что был совсем близко, вон за той колонной, но исчез...

Пока шли дальше, Мрак зыркал по сторонам. Все чувства обострены, в воздухе пахнет опасностью, наконец сказал шепотом:

– Нас и должны сопровождать?

Агиляр ответил таким же шепотом:

– Ты что? Мы идем тайно.

– А вон те трое, – указал Мрак в темноту, – и те двое...

Старик вздрогнул, прошептал:

– Ты видишь в темноте?

– Дык от них прет мазями, как от портовых шлюх, – нашелся Мрак, но этим, похоже, удивил старика еще больше.

Старик мгновенно сунул руку под плащ. Мрак успел увидеть длинное лезвие ножа, и в этот момент из-за колонн выскочили темные фигуры. Они с Агиляром как раз проходили через узкий зал с колоннами, в окна падал жидкий лунный свет, и Мрак под таким узким высвечивающим лучом ощутил себя почти голым. Он ухватил старика, тот охнул, Мрак рывком уволок в темноту.

Нападавшие чуть растерялись. Мрак ухватил ближайшего, рывком подтянул к себе и ударом кулака в лоб разбил череп. Короткий нож выпал из ослабевшей руки, он поймал на лету и

всадил во второго. Старик, пригнувшись, тыкал ножом в ноги нападавших. Молодец, на фоне освещенного центра зала он легко видит цель...

Нападавшие молча старались его достать, старик наконец возопил пронзительно:

– Стража!.. Стража!... Стра...

Мрак услышал всхлип, клокотание и понял в ярости, что больше можно не опасаться задеть старика. Он бил и крушил во все стороны, а те, вооруженные до зубов, то медлили, то тыкали друг в друга.

Послышался треск распахнувшейся двери. С горящими факелами в руках в зал ворвались люди. Впереди бежали трое в железных доспехах, с обнаженными мечами. Один из-под ног Мрака откатился, вскочил и бросился к противоположной двери. За ним ринулся еще один, но передний из бежавших на помощь длинно махнул рукой, из руки выметнулось сверкающее в лунном свете лезвие. Мрак почти услышал, как тяжелый нож с силой прорубил спину и рассек позвоночник. Беглец упал без звука, но передний успел удариться в дверь, распахнул ее и выбежал в темноту.

Толпа с факелами нахлынула, окружила Мрака. Мрак приподнял старика. В его груди торчала рукоять ножа. Удар был силен и точен: лезвие явно просадило сердце насквозь. Старик цеплялся за одежду Мрака, в глазах был ужас, он что-то пытался сказать, но дернулся, изо рта брызнула струйка темной крови.

– Ваше Величество!

К Мраку подбежал коренастый мужчина в раззолоченных доспехах. На блестящем шлеме трепетали длинные разноцветные перья. Лицо его было бледным, глаза расширились, он вскрикнул в страхе:

– Вы не ранены, Ваше Величество?

Мрак не отрывал глаз от Агиляра, тот все еще силился что-то сказать, губы шевелились. Двое мужчин осторожно взяли у Мрака старика. Тот захрипел, вздрогнул и вытянулся в их руках.

– Ваше Величество!

Мрак тупо смотрел на своего советника. Глаза Агиляра невидяще уставились в потолок. Его быстро унесли, офицер в раззолоченных доспехах снова вскрикнул с мольбой:

– Ваше Величество! Вы... вы?

Мрак вздрогнул, дико огляделся.

– Я... – прошептал он, – не ранен... но мне... тяжело... проведите меня... в покои...

Он оперся о плечо этого красавца, что и в богатых доспехах ухитряется выглядеть мужчиной и даже воином. Тот напрягся, выдерживая его тяжесть, прокричал:

– Ганза, Рерик!.. Вперед с факелами!.. Оповестить лекарей, массажистов!.. Пойдемте, Ваше Величество...

Мрак тяжело тащился с ним, стараясь не слишком наваливаться, но в то же время давая себя вести туда, где должны быть «его» покои. Ну влип, мелькнуло в голове. Влип так уж влип. Говорил же Олегу, что под кем лед трещит, а под кем и ломится, но сам такой, что под ним и трещит, и ломится, да еще сверху что-нибудь рухнет или ворона пролетит...

Советничек теперь тю-тю, отсоветовался. А тут даже не дознаться, как зовут этого старательного щеголя с перьями на шлеме. Хотя пахнет от него здоровым потом, особой злобы не чувствуется...

Впереди появилась и начала приближаться массивная дверь, вся в золоте, украшена драгоценными камнями, а по бокам, недвижимые, как статуи, двое рослых молодцев в металлических доспехах.

Начальник дворцовой стражи велел строго:

– Проводите Его Величество и уложите на ложе!.. Лекаря вызвали?

Мрак прорычал ему на ухо:

– А у тебя уже ножки подламываются?

Начальник стражи запнулся, проблеял:

– Но мне... мне не дозволено переступить порог ваших покоев...

– Теперь позволено, – громыхнул Мрак.

Новые люди и есть новые, а к этому хоть какое-то доверие, ишь как метнул нож тому гаду в спину! Да и прошли уже через пару длиннющих, как конюшни, залов. Если бы хотел зарезать, то уже саданул бы ножом под ребро...

Стражи с готовностью распахнули перед ними двери. Мрак позволил себя ввести вовнутрь, он охал и ахал, а когда увидел, куда его привели, ахнул всерьез.

Спальня вовсе и не спальня, а какой-то храм, куда должны собраться тысячи паломников. У тцара, понятно, не может быть спальня таких же размеров, как у простого вельможи, а раз по-тцарски огромная, то чем ее заставить, не одними же кроватями, чтобы спал везде по очереди, вот и наташили разной мебели, с виду прямо тцарственная, внушительная, только его уху слышен радостный скреб жуков-древоточцев: «Ура, щас я вот тут догрызу, и весь этот шкаф рухнет!»

Голые камни стен забраны толстыми коврами, гобеленами, а поверх навешано дорогое оружие с камнями в рукоятях, в украшенных золотом ножнах, с нелепыми щитами, где тонкая кожа неведомого зверя пририта к дереву золотыми гвоздиками, такой щит пальцем проткнешь...

В середине этой спальни, что размером с иную городскую площадь, – ложе. Бедному тцару пришлось свою кровать оградить стенами из цветных шелковых полотнищ: не всяк может спать среди поля. Даже сверху над ложем двойной полог из цветного шелка. Впрочем, это может быть для того, чтобы тараканы с потолка не сыпались в постель. Бывают тараканы мелкие, светло-коричневые, а бывают огромные, черные...

Начальник дворцовой стражи уложил его на это ложе, Мрак слабо повел очами, застонал, но раздевать себя не дал, потребовал капризно-испуганным голосом:

– Ну, теперь рассказывай.

Начальник стражи вытянулся, проговорил дрожащим голосом:

– Что?.. О чем?

– О том, – простонал Мрак плачуще, – как пропустили во дворец гнусных злодеев, что разгуливают с ножами!.. Меня ж могли жизни лишить, ты хоть понимаешь?

– Боги спасли вас! – выкрикнул начальник стражи пылко. – Возьмите мою голову, это я виноват! Я должен был обеспечить охрану дворца... Я и обеспечивал, клянусь, верно и честно! Но, выходит, я только думал, что обеспечивал...

Голова его поникла. Мрак смерил его недружелюбным взглядом. Мужик перед ним с простым честным лицом, в глазах – неподдельное отчаяние и стыд. Стыд человека, что обгадился на своем месте. Другое дело – не сумел бы сыграть на лютне, тут нет позора, но чтоб именно на своей службе...

– Ладно, – пробурчал Мрак капризно. – Те гады только и ждут, что я тебя пошлю навоз убирать... Двух зайцев сразу! И своего человека поставят, и ты моим врагом...

Начальник стражи воскликнул пылко:

– Врагом – никогда! Казните меня, Ваше Величество, виноват, но род Адертов всегда был предан трону.

Мрак сказал вяло:

– Ладно... Адерт. Это не твоя вина, что тебя обхитрили.

Вбежал врач, глаза распахнуты, на лице ужас. Мрак слабо приподнял ладонь.

– Остынь, остынь... Меня не ранили. Даже не поцарапали.

В распахнутые двери то и дело заглядывали. Дворец, как чувствовал Мрак, уже проснулся, полнится шумом, везде носится народ, все друг друга ловят, хватают, подозревают, а слухи распространяются, как дым при пожаре.

Вошли крепкие, обнаженные до пояса молодцы. Мрак сразу признал по их движениям и цепким взглядам придворных массажистов, отмахнулся.

– Нет-нет, все потом!.. Идите, ребята.

Врач пролепетал:

– Но я должен вас осмотреть...

Мрак рыкнул:

– Я сказал!.. Все идите... все.

Толкаясь, они бросились к дверям с таким чувством облегчения, что Мрак подумал: а не надо ли было всех их под нож? Или хотя бы перевешать... А то как-то не по-тцарски мягко.

– Эй! – крикнул он. – Адерт!.. Задержись.

Начальник стражи остановился возле самой двери. Плечи его обреченно повисли. Он медленно повернулся, на лице его было понимание своей судьбы.

Мрак поманил его пальцем, указал на роскошный диван напротив ложа.

– Садись. Да садись, садись!.. Вот что, тут решать надо быстро. Этих массажистов и лекаря отстранить от дворца и в покои больше не допускать. Понял?..

Начальник стражи сидел на краешке дивана, как на иголках. Лицо его становилось то красным, то снова бледным, а иногда и вовсе синим. По лбу катились крупные капли пота, но вытереть не осмеливался, смотрел в глаза грозного властелина по-собачьи преданно.

– Как скажете, Ваше Величество!

– Не понял, значит, – констатировал Мрак. Объяснил: – Если кто-то и пытается совершить покушение на тцарскую особу, то лучше всего это сделать через тех, кто вхож в тцарские покои. Понял? Так что всех... к чертовой матери! Нет, вешать не надо, но найди им какую-нибудь работу. А сюда надо будет новых... Нет, это не к спеху. Сегодня и завтра вообще никого не надо. У меня после этого случая... волнение, понял? Я ж кровь увидел!.. Мне даже дурно как-то...

Начальник стражи встревожился.

– Может, все-таки врача?

– Не надо, – ответил Мрак слабым голосом. – Ты, Адерт, пока не суетись...

Начальник стражи сказал, заикаясь:

– Ваше Величество, умоляю... Называя меня именем нашего великого предка, давшего начало нашему роду, вы заставляете меня покончить с собой от глубочайшего стыда... Зовите меня мерзавцем, сволочью, негодяем, Аспардом в перьях, но только не упоминайте нашего предка, которого я так опозорил...

Мрак благодушно кивнул:

– Ладно, Аспард... это я так... от раздражения. Начинай работать, но уже по-новому, понял?

Аспард, если это в самом деле его имя, поспешно поднялся, низко поклонился. Нет, на морде облегчение, значит – с именем удалось.

Когда тот был уже у дверей, Мрак сказал вдогонку:

– И еще, Аспард!.. С этого дня ты вхож в мои покои. Понял?.. Молодец, хорошо нож бросаешь.

Осчастливленный Аспард едва не вышел, ничего не видя перед собой, прямо сквозь закрытые двери.

Едва за ним захлопнулась дверь, Мрак встал, быстро осмотрелся. Там, за дверьми, прозвучал строгий голос Аспарда, гоняет стражей, дает указания, но и потом Мрак слышал, как там устраиваются стражи, сопят, чешутся, готовятся коротать ночь дальше.

Так, в его спальне, к счастью, горят все светильники, ибо никакому костру не осветить дальнюю стену, даже вторую половину спальни, стены, все четыре, по большей части укрыты толстыми коврами. Ага, это он уже заметил... Такие же и на полу. Нет, на полу все же толще. Ноги медленно несли вдоль стен, уши ловили каждый шорох, ноздри бешено раздувались. Ага, вот здесь вроде бы что-то вроде слабенького дуновения. Или чуть-чуть воздух холоднее. Нет, огонек светильника рядом даже не колышется, ровный такой огонек, застывший, смотрит острием в потолок, но все же... обернуться бы волком, тогда бы сразу учуял, где и что, но пока рискованно. Неизвестно, кто может зайти.

Он оглянулся на дверь. Поколебался, кто знает, какие тут правила, взял кресло, засунул ножкой в петли, вроде бы не выпадет, после чего отступил, грянулся оземь. Толстый ковер спружинил, но Мрак очень уж старался, боль кольнула по всему телу, а мир сразу преобразился. Стены стали выше, цвета изменились, но главное – он видел вторую картину, очень яркую и четкую, что накладывалась на первую, дополняла, корректировала, исправляла... Он постоял, свыкаясь с переходом. Это человек видит только один мир, а волк – другой, привыкают, даже друг друга видят иначе, каждый по-своему, а вот он...

Ковер мягко пружинит под лапами. Запахи лезут в ноздри со всех сторон, надо убрать из носа все ароматы притираний, мазей, душистого масла, вот и здесь разлито и затерто, и здесь... и ловить только то, что тцар хранил в секрете от других...

Или кто-то хранит от тцара, добавил он про себя. Возможно, тцар знает только про тот ход, а про этот, что ведет куда-то из спальни, даже не догадывался?

Он несколько раз пробежался по всей гигантской спальне. В подозрительных местах останавливался, замирал, подолгу прислушивался. Мешало еще и то, что волчьи уши чувствительнее в десятки раз, он явственно слышал и разговоры стражей за дверьми, и уговоры конюха в темном дворе за окном, женский голосок игриво повизгивает, но куда важнее вот эта струя прохладного сырого воздуха...

Ударился об пол, перетек в человеческую личину и некоторое время приспособивался из красочного мира запахов к скудному миру слабых звуков, но ярких красок. Ковер как ковер, но когда Мрак рванул за нижний край, отодрал с легким треском, там обнаружилась каменная стена. Снова ничего подозрительного, если не учитывать, что этот камень чуть прохладнее соседних. А если очень хорошо прислушаться, то можно поймать на послуженный палец едва заметную струйку свежего воздуха из неприметной щели...

– Это мне уже знакомо, – проворчал он. – Наконец что-то знакомое... Неужели начинаю обживаться в этом мире?

Массивная глыба поддалась нехотя. Мрак вытащил ее, темный лаз пропустил его неохотно, оттуда дотянулся до глыбы и снова надежно закупорил дыру, а гобелен опустился, прикрывая все следы.

В тайном ходе холодновато, темно, но сухо. Человеку в таких подземельях не обойтись без факела, пришлось снова о камни, снова в волка, и тут же мир засверкал, зашумел, запел. На этот раз все легко и мгновенно, ибо человечесьи уши, как и глаза, ни черта не ловят, а волчий слух сразу ухватил и журчанье подземных ручьев, и дальние звуки, скрежет, шорохи, а запахи нарисовали весь проход на десятки шагов впереди.

Если прислушаться, то можно увидеть сквозь камень и гобелен даже то, что в его спальне, ибо крохотная щелочка дает его нюху все необходимое, но Мрак отступил, побежал потихоньку, всматриваясь носом и вслушиваясь чуткими волчьими ушами.

Этот ход плотно шел вдоль жилых помещений. Можно подслушать, о чем переговариваются даже солдаты в своей комнате отдыха, а вот начали накатывать запахи вареного мяса,

ухи, еще через десяток шагов Мрак добрался до щелочки, через которую одним глазом можно увидеть дворцовую кухню.

Потом ход раздвоился, Мрак долго принюхивался, один рукав вроде бы просто шпионский, а второй должен вывести из дворца. Похоже, у тцара был не один тайный ход для вылазок в город.

Или же, подумал Мрак с подозрением, этим ходом пользуется совсем не тцар... Несколько помещений показались не подходящими для его цели, пока наконец не обнаружил комнату – старую, запыленную, заполненную рухлядью, а также всякими узлами со старым тряпьем. Возможно, ее и держали в таком виде только для того, чтобы можно было незамеченным пользоваться ходом, но это их замыслы, а у него мысли и желания намного проще.

Он порылся в вещах, выбрал из тряпья наименее поношенное, с трудом завязал зубами в узел и снова скользнул в ход. Этот второй туннель пошел от дворца, снова плечи царапают холодные камни, но теперь под лапами часто плескала вода, брызги летели во все стороны. Дважды ручей едва не сбивал его с ног, но в конце концов ход пошел вверх.

На минутку сердце дрогнуло: впереди показалась груда камней от пола до потолка, могло завалить и в самом деле, однако ноздри уловили струйку свежего воздуха. Ударился оземь, поднялся, разбросал камни, а когда в дыру заглянуло черное небо с тусклыми звездами, быстро оделся и неслышно вышел.

Он с наслаждением вдохнул ночной воздух, полный совсем других запахов. Он ощущал их даже в той, человеческой личине. Запахи далекого рыбного квартала, запахи свежесделанных кож, а вот порыв ветерка донес ароматы свежего хлеба, горящего угля...

Ему не надо было смотреть на звезды, чтобы определиться. Этот ход, как он и опасался, вывел на другую сторону города. Он стиснул зубы, выругался, все-таки посмотрел на небо: да, половина ночи уже прошла. Да где там половина, три четверти прошло!

– Хорошо еще, – прорычал он зло, – что Барбус – это не Куяба... Ту за день не объедешь даже на коне...

Земля понеслась под ним, словно под скачущим конем. Так он бегал в Лесу, так учил бегать друзей, но сейчас еще и постоянно надавал, ибо ночи летом в самом деле короче женской молодости.

Луна перешла на вторую половину неба, когда он, обогнув Барбус, добежал до постоянного двора на перекрестке дорог. Тревожить никого не стал, пусть народ спит, взобрался по стене на второй этаж, плечи привычно вздулись, когда ухватился за железные скобы на ставнях. Едва слышно заскрипело.

Очувтившись в комнате, он на ощупь зажег светильник, когда сзади обрушилось холодное, мягкое, тут же в кожу впелись острые коготки. Жаба вцепилась, будто его не было год, если не два. Мрак подхватил ее на руки, а она все тыкалась мордой, обхватывала его голову передними лапами, цеплялась задними, прижималась нежным бархатным пузом. В ярком оранжевом свете выпуклые глаза горели, как два солнца, а по крохотным чешуйкам спины пробегали зеленые искорки.

– Да что ты опять обслонявила, – сказал Мрак сердито. – Куда я пойду, обслонявленный? Отстань, отлипни...

Но жаба не желала отлипнуть, вся тряслась, дергалась, ее узкий длинный язык хлестал его по глазам, щекам, лез в уши, задние лапы загоняли в его толстую кожу коготки все глубже.

– Брысь, – сказал Мрак строго. – Это что же, я должен все при тебе сидеть? А ежели твоему родителю восхочется поразвлечься?... Тогда как?

Жаба запищала, прижалась крепче, маленькая и толстенькая... но почему-то напомнившая худенькое тельце Кузи. Сразу в голове мелькнуло виноватое: какое там поразвлечься, если

Кузя ждет... Ха, она ж собирается за него выйти замуж. Нет, даже жениться, она так и сказала... Всего-то и осталось подождать, что лет десять...

И хотя все это было смешно, но почему-то образ светлой девчушки с серьезными глазами шугнул мысли о всяких поразвлекаться, он поцеловал жабу в тупую зеленую морду.

– Ну, ты чего тут натворила? Рассказывай!

Жаба виновато втягивала голову в плечи. В комнате, понятно, все разбросано. Она ухитрилась вытащить из-под ложа дорожный мешок, вытряхнула из него все, перепробовала на зуб, растащила по разным углам, разорвала на длинные ленты его запасную рубашку, сжевала трут и сумела искрошить огниво. Что за зубы у этого крохотного чудовища...

Он сердито смотрел в выпуклые глаза жабы, полные вины и страдания, и, даже не будучи магом, прочел в них яснее ясного: это для тебя час и даже день проскакивает быстро, а для меня час – это твоя неделя. Не оставляй меня так надолго! Не сердись на меня и не оставляй в темной комнате. У тебя есть твой мир, у тебя друзья, враги, просто люди, а у меня только ты, мой папочка! Разговаривай со мной чаще! Я не всегда понимаю тебя, но я знаю, что ты говоришь со мной, и я от счастья готова прыгать на стенку и ходить на ушах... которых у меня почему-то нет. Я маленькая, но у маленьких память лучше, чем у взрослых. Я помню, кто и когда в меня бросил камень, а кто сказал ласковое слово. Я очень люблю тебя, мой папочка! Не оставляй меня так надолго...

Мрак схватил ее в объятия, прижал к груди, уткнулся в ее холодное шипастое тельце лицом. На глаза, он не поверил себе, навернулись слезы. Странно, не плакал, когда конь Фаги-масада наступил ему широким копытом прямо на причинное место, а вот сейчас глаза щиплет, взор расплывается, а в груди щем и виноватое царапанье.

– Я не оставляю тебя, – прошептал он ей тихо. – Мы с Кузей очень любим тебя...

Жаба от счастья пустила слюни. Мрак поспешно сунул ее в мешок, похлопал, успокаивая, я здесь, забросил мешок на спину.

Сонный слуга в удивлении подскочил, когда сверху по лестнице неспешно спустился этот дюжий мужик звероватого вида, дикий и страшноватый.

– А... А... – пролепетал он. – А как вы поднялись, я ж не видел!..

– А я и не выходил, – ответил Мрак хладнокровно.

– Дык я ж там убирал час тому!

– Молодец, – похвалил Мрак. – Я видел, все чисто. Ты меня просто не заметил. Я там тряпочкой прикидывался.

Он бросил парню монетку. Хоть и сонный, тот поймал ловко, наупражнялся, а Мрак вышел на улицу.

Лунный свет заливает строения неровно: крыши блестят – глазам больно, а в тени хоть дракона прячь – никто не углядит. Изредка взвывают собаки, над головой летучие мыши с хрустом хватают жуков, от домов накапывают запахи тепла и домашней стряпни, а от сараев плывет волнами животный дух...

Он грянулся оземь, превратился в волка – и тут же вздрогнул от жалобного писка. На этот раз жаба не шарахалась от него, а сжалась в комочек и зажмурилась. Мрак потыкался в нее носом, даже лизнул и, вздохнув, уселся рядом. Жаба приоткрыла один глаз, другой, вытянула мордочку, принюхиваясь, и очень медленно, лапка за лапку, стала придвигаться к нему. Мрак так же медленно и осторожно протянул к ней морду и тихонечко подтолкнул к разбросанной одежде. Неловко сложил на портки пояс, кое-как завязал в узел, до чего же лапы неумелее рук, взял в пасть и понесся легкими волчьими прыжками. Если кто и увидит волка с узлом в пасти, то подумает, что зверь украл ребенка, как случается нередко. Эка невидаль! На бегу мелькнула мысль, что проще бы сперва связать узел, а потом задом о землю. Но хорошая мысль приходит опосля, кто-то умен сразу, а вот он – как все нормальные люди...

На этот раз он разгреб камни у входа, которым пользовались с бедным Агиляром, протиснулся вовнутрь и снова задвинул камнями вход. Жаба наконец утихомирилась в мешке, он бежал по ходу уже быстрее, помня каждый поворот.

В его роскошной спальне все так же пусто, а кресло по-прежнему торчит ножкой в дверном засове. Мрак поставил его на место, жабу вытряхнул на ковер. Сонная, она широко зевнула, начала осматриваться.

Мрак сбросил тряпье, искал, куда бы спрятать, приподнял одной рукой массивное ложе, пусть хранится там, вон сколько пыли, явно туда не заглядывают. Его роскошная царская роба раскинула рукава тут же на полу. Он небрежно накинул ее на плечи, полез на ложе, с наслаждением вытянул сладко гудящие ноги. Судя по светлеющему небу за окном, уже начинается рассвет. И хотя во дворце наверняка спят долго, здесь все приспособляется к прихотям одного человека, но поспать всласть не удастся...

Он укрылся роскошным одеялом и прислушался. Спать не хотелось, такая уж суть человека-оборотня: пока бегаешь в волчьей личине – человечья спит. И наоборот. Так что сна ни в одном глазу, он лежал и слушал голоса со двора, там уже начинают просыпаться, из-за двери иногда доносится приглушенное звяканье железа, это стражи коротают ночь за игрой в кости. Но со двора голоса громче, напористее, он узнал бодрый голос булочника, что вынужденно проснулся в такую рань, орет на подручных, снова тесто не так замесили, передержали, вот опять хлеб получится недостаточно пышный, а во дворце все такие привередливые...

Ему отвечали сразу два голоса, виноватые, но не признающие себя виновными, как везде ведется: то филин всю ночь ухал, а это к несчастью, то хвостатая звезда по небу пролетела, а значит – тесто не подойдет, молоко скиснет, а редька не уродится вовсе.

Заскрипел ворот колодца, под самой стеной прогрохотала по булыжникам тяжело груженная телега. Мрак попытался по запаху поймать, что везут, но не сумел, даже огорчился: всего часок во дворце, а уже нюх притупляется, больно много здесь слишком сильных запахов.

Потом появился еще один, Мрак вычленил голос сильного мужчины средних лет, матерого, но с больным желудком. Этот интересовался, как прошла ночь, никто ли не замечен из посторонних, что слышно из дворца, правда ли, что на звездочета кто-то напал в прошлую ночь, или же только слухи. Другой голос, угрюмый и вместе с тем развязный, какой бывает только у дворни, что долго трется при власти, ответил с наглостью, что звездочета чуть не убили вовсе.

Голос матерого посерьезнел, спросил заинтересованно, как и что, дворовой объяснил с охоткой и злорадством, что звездочета так по голове треснули, что со страху велел удалить всех, кто его лечил или массажировал, боится отравы, а сам в эту ночь и не подумал лезть в свою дурацкую башню, а все сидит в спальне и дрожмя дрожит!

Ага, сказал про себя Мрак, выходит, по голове стукнули, потому так и поменялся я. Подходит. Буду всем жаловаться, что от удара половина мозгов через уши выплеснулась. Какие уж тут звезды, только и осталось ума, что в рыло дать.

Жаба подошла к низкому ложу и требовательно потыкала холодным носом в его голую пятку. Мрак поджал ногу, щекотно, жаба потянулась дальше, уже встав передними лапами на край ложа. Мрак с неохотой разлепил глаз.

– Чего тебе?

Жаба проворчала что-то умоляющее вроде: ну пусти же меня к себе, я такая маленькая, я помещусь на самом краешке, ты и не заметишь, я буду тихая, как опавший листок, даже не шелохнусь, если вдруг пихнешь или лягнешь... Ты ж в прошлый раз пускал, я вела себя очень тихо...

– Ну да, – проворчал Мрак, – очень тихо! Пока не разогрелась. А когда начала потягиваться, забыла? Ты ж меня, свиненок, выпихиваешь на пол! Откуда и силенка в таком противном тельце...

Жаба потыкала холодной мордой еще. В крупных глазах было обвинение, что он, большой и сильный, лежит в роскошной постели, а она, маленькая и слабенькая, ютится на каком-то коврикe, даже не на коврикe, а вовсе на тряпочке!

– Не тряпочка, – поворчал Мрак, сдаваясь, – а роскошный ковер. Ладно, полезай. Все равно сейчас встать, даже разомлеть не успеешь.

Дверь отворилась неслышно. По крайней мере так считал Аспард, он прошествовал на цыпочках до самой постели. Мрак открыл глаза, Аспард вздрогнул и побледнел, наткнувшись на непривычно твердый взгляд повелителя.

– Ну? – сказал Мрак.

Аспард открыл и закрыл рот. Он смотрел на Мрака вытаращенными глазами. Мрак вспомнил, что не упрятал свои волосы под роскошную золотую шапку, да и халат распаивается на груди, а там такая настоящая царская шерсть...

– Че, – сказал он как можно небрежнее, – волосы растрепались? Это от волнительности. Я так волнительствовал, когда эти преступники убили бедного Агиляра и чуть меня не того... Лежал бы сейчас там, откинув копыта и высунув язык! Представляешь?

Аспард взмолился:

– Ваше Величество!.. Не по мне такая великая честь! Пусть кто-то из вельмож удостоится чести будить вас и рассказывать, где кто и что кого чем как. Я вон даже с охраной так опозорился...

Мрак всматривался в покрасневшее лицо бывалого воина. Да, этот лучше всего охранял бы крепость на перевале, а то и сам бы водил отряд удалцов в чужие края. Понятно, почему цар доверил ему охрану дворца, такие не предадут, но для вхождения в покои явно допускает морды пошире.

– Что-нить придумаю, – пообещал Мрак. – А теперь докладай!

Аспард от старательности вспотел, голос дрожал, а руки так и вовсе тряслись, когда он загибал пальцы, перечисляя, что успел сделать за ночь. К удивлению Мрака, успел сделать немало. Не зная, кого подозревать в первую очередь, он на всякий случай заменил всех массажистов и лекарей, плясунов, танцовщиц, сменил стражу по всему дворцу, благо в казарме народу много, а он знал всех наперечет и знал, кто чего стоит на самом деле.

Мрак одобрительно кивал. Мордами они с царом тютелька в тютельку, но массажисты сразу увидят разницу между рыхлыми царскими телесами и его твердым, как камень, телом. Да и шрамы, рубцы... Лекаря тоже если и допускать, что он за цар без лекаря, то постороннего, который раньше царя не видел и не шупал.

– Эт ничо, – сказал Мрак. – Молодец, паря... Не, жаль тебя отпускать! Вон как нож метает... Птицу на лету подшибешь?

Аспард, растерявшись, пролепетал:

– Ну... если не слишком мелкую...

– Молодец, – сказал Мрак величественно, – хвалю!

Подумал, что же еще цары говорят, уставился на Аспарда пронизательным взглядом, словно и в нем подозревая заговорщика. Аспард исходил потом, боялся дышать, побагровел, толстая шея едва не разламывала, распухая, железный панцирь.

Вдруг Аспард вздрогнул, вытаращил глаза. Мрак быстро оглянулся. Одеяло зашевелилось, из-под края выглянула зеленая широкая морда. Выпуклые глаза уставились на Аспарда с подозрением.

Мрак небрежно отмахнулся.

– Это моя жаба.

– Жа... ба?

– Да, – подтвердил Мрак. – Зеленая. Кстати, надо будет кого-то пристроить, чтобы выводили ее в сад гулять. Она такая, понимаешь, гуляльная. А я за государственными делами не больно для гуляний, верно?

Аспард вздрогнул, вытянулся.

– Верно, Ваше Величество!

– Вольно, – разрешил Мрак. – Что у нас на сегодня?

Аспард загнул палец.

– Прием и разбор жалоб – первое. Второе – осмотр питомника молодых драконов. Там ждут ваших указаний. Ну, в какую сторону больше обучать: в ум, значитца, или в силу...

– А туда и туда нельзя? – спросил Мрак. Аспард ответить не успел, Мрак сказал с сожалением: – Да, нельзя... Бог в один мешок два добра не кладет... Либо умная, либо красивая. Гм, это отметить, драконов посещать – это наше монаршее благословение. Что еще?

– Прием послов, – сообщил Аспард. – Но пока никого, разве что ожидается посол Артании...

Лицо его омрачилось, Мрак махнул рукой благодушно.

– Артании так Артании. Окажем и ему милость... Монаршую милость. Что еще?

– Да ничего особенного, Ваше Величество, – ответил Аспард с поклоном. – С тех пор как вы запретили докучать вам разными мелочами, все это решают ваши советники. А вы наслаждаетесь... ну, звездным небом.

Мрак подумал, кивнул, снова подумал, что он мог бы понаслаждаться и чем-нибудь попроще, чем высокое звездное небо, это больше для Таргитая или Олега, а он мог бы местом отдыха сделать кухню да винные подвалы Его Величества...

– Лады, – сказал он, – если надо итить, то надо итить. Хоть и тцар, а службу служить надо. Мы все на службе Отечеству. Верна?

Аспард вздрогнул всем телом, вытянулся.

– Верно, Ваше Величество!

– Вольно, – разрешил Мрак.

Он поцеловал жабу в умную, но уже обиженную и расстроенную морду, сказал строго:

– Жди! Жди, поняла?... Я вернусь, тогда поиграем. Эй, Аспард!.. Надо бы кого-нибудь присобачить для нее...

– При... присобачить?

– Ну, прижабить.

Аспард подумал, сказал нерешительно:

– Там в приемную уже сходятся придворные... Желаете сами выбрать?

Мрак отмахнулся.

– Не тцарское это дело. Я тебе доверяю.

Аспард поклонился, отступил, устранный. Мрак проследил, как он выскользнул за дверь, там слышались удивленные голоса, наконец Аспард снова распахнул дверь.

Первым вошел высокий сухощавый мужчина с донельзя благородным, холеным и высокомерным лицом. Выглядел он молодо, хотя в иссиня черных волосах блестели серебряные пряди. Мраку он показался уж очень красивым: лицо худое, с острыми-чертами, высокие скулы едва не прорывают кожу, нос с горбинкой, орлиный, а в глазах... только в глазах что-то странное, ведь чувствуется же, что там бушевал пожар отваги и натиска, а сейчас то ли погас, то ли тщательно упрятан от чужих глаз. Придворный и на Мрака посмотрел свысока, хотя и поклонился, бросил взгляд на Хрюндю, брови его взлетели на лоб, он с осуждением покачал головой.

– Манмурт вызвался сам, – сказал Аспард. – Мне не пришлось даже руки выкручивать, бить по голове и все такое.

Придворный, о котором Мрак уже знал, что его зовут Манмуртом, снова поклонился, но опять же едва-едва. Лицо его оставалось надменным, застывшим. От него вкусно пахло, красиво завитые волосы блестели, а ресницы, как показалось Мраку, были сильно покрашены.

Мрак спросил Аспарда, игнорируя Манмурта:

– Ты уверен, что он ее не обидит?

Аспард развел руками.

– Он сам вызвался, Ваше Величество. Кроме того, Манмурт, как вы знаете, – потомок знатнейшего рода, что дает определенные привилегии при любом дворе. Род Манмуртов верно и преданно служил Вашему Величеству... я имею в виду древний и славный род Вашего Величества... уже на протяжении... да-да на протяжении! А при знаменитой битве с гиксами, когда ваш прапрадед оказался в окружении, трое из рода Манмуртов...

Мрак отмахнулся.

– Ладно. Итак, Манмурт, эта жаба – мой лучший друг. И мое главное сокровище!.. Зовут ее Хрюндей. Чтоб чешуйки с ее спины не упало, понял? А то мы и битву с гиксами переиграем. Ты с ней повозишься малость здесь, а потом выведи в сад. Она обязательно подальше от дорожки какает. Вообще за кустами прячется. Застенчивая... Как и я.

Манмурт присел, колени хрустнули так мощно, что Мрак едва не подпрыгнул, Аспард испуганно взглянул на потолок, не рухнет ли свод. Манмурт растопырил руки, лицо покраснело, словно сам тужился, засюсюкал с умильной мордой:

– Иди ко мне... красивая! Иди ко мне, милая...

Жаба встопырила горбиком хребетик, надулась, заворчала. Мрак сказал Аспарду:

– Ладно, они тут разберутся.

Дверь приоткрылась, четверо дюжих слуг в роскошных одеждах внесли громадный стол, а следом вереницей шли крепкие ребята с красными от натуги лицами, ибо несли, откинувшись назад всем корпусом, перед собой широкие подносы. Мрак потянул носом, сильно пахло осетровым балыком, с ним спорили ароматы семги, сига и копченой сельди.

Слуги быстро расставили по столу яства, исчезли бесшумно. Остался только один, застывший с большим кувшином в руках. По запаху в кувшине вино, ага, будет подливать в кубок, дабы не утруждать тцара.

Мрак прорычал довольноно:

– Что ж, позавтракаем...

Аспард посмотрел на него странно, сказал нерешительно:

– А вы не будете... по своей привычке, слегка закусывать перед завтраком?

– Э... – сказал Мрак, – мэ... э-э... да, пожалуй, ты меня уговорил.

Он с сомнением посмотрел на стол, вокруг которого лучше бы на коне, а то заморишься, взмахом указал Аспарду на кресла у стены:

– Возьми одно, садись. Перекусим... перед завтраком.

Аспард испугался, лицо покрылось бледностью.

– Ваше Величество!.. Я не осмелюсь!

– А что, – спросил Мрак подозрительно, – еда протухла?

Он потянул ноздрями, но пахло умопомрачительно. Аспард сказал просяще:

– Не по мне такая честь.

– Садись, – велел Мрак. – Я тцар или не тцар? Я устанавливаю, кому где сидеть, лежать или прыгать.

Аспард, едва не падая от волнения, принес кресло, подсел, но трогать ничего на столе не осмеливался. Мрак хищно оглядел стол. Нехило перекусывает тцар перед завтраком. Холодная, так сказать, закуска перед завтраком. Здесь белорыбица, балык осетровый, ветчина свежепросоленная, вареная, копченая, грузди соленые, грибы маринованные, груши в меде, гусь фаршированный, копченый, икра осетровая, свежая, паюсная, красная, колбаса свиная из ливера,

кровяная, копченая, корюшка маринованная и копченая, белужина и судак маринованные, заяц копченый, рыжики соленые, рулеты из поросенка, на отдельном блюде – роскошные шуки, рулеты из фаршированной дрофы, сыр яблочный, сыр из слив, сыр домашний белый из творога со сметаной, сыр без сметаны, сыр пресный жирный, солонина вареная, семга, сига и сельди копченые...

В нем рычало, когда он все это греб, жевал, а то глотал и не разжевывая, во рту просто менялся восхитительный вкус. Он поймал изумленный взгляд Аспарда, пояснил:

– Это я так волнуюсь. Меня ж чуть не убили, знаешь?.. Меня всего трясет, а когда ем, то мне не так страшно.

– Да вы не волнуйтесь так, Ваше Величество, – попросил Аспард. – А то удавитесь... Мы все сделаем, чтобы отыскать этих злодеев!

– Ищци, ищци, – согласился Мрак. – Да ты ешь, тут неплохо кормят, верно? Возьми вон семги, я такой нежной еще не жрал. На языке тает!.. А когда раздразишься, то в самый раз пойдут вон те копченые кровяные колбаски... Ах, их уже нет?.. Ну вот так и хлопай ушами. Хватай хотя бы копченого зайца или рулет из поросенка.

– Ваше Величество...

– Ешь, – велел Мрак. – Или ты зло умыслил, что за моим столом есть отказываешься?

Аспард ел, обмирая от ужаса. Перекусывал перед завтраком Его Величество всегда в одиночку, на завтрак иногда допускал двоих-троих из самых близких советников, на обед приглашалось народу больше, особенно много набиралось на званые, но даже тогда начальнику дворцовой стражи не по рангу сидеть со знатными вельможами...

Он тцар, напомнил себе Мрак после этого легкого перекусывания, а не громила в корчме, потому из зала в зал пошел двигаться медленно и неспешно, важно, что позволяло рассмотреть встреченные рожи, а по незаметным движениям сопровождающих угадать, куда же его ведут.

Сразу же за дверью спальни его выхода ждали, оказывается, знатные люди. Так называется скопище этих разряженных, как петухи, сытых и спесивых рож. Тут же пристроились следом и двинулись, как стадо гусей, самые знатные, самые родовитые, самые именитые.

Но те, кто стоял и просто глядел на него, похоже, еще знатнее и родовитее. Когда Мрак со свитой проходил, все кланялись, кто низко, кто не очень, а один и вовсе остался недвижим, смотрел на него опасно, но с наглым видом. За его спиной трое в таких же одеждах, родня или клан, даже рожи похожи, явно родня. Мрак впился в него глазами, стараясь понять, в чем же отличие, успел заметить, что в глубине глаз этого храбреца мелькнуло беспокойство.

Он остановился, поинтересовался:

– Что случилось, спина болит?

Придворный шелохнулся, даже скосил глаза в стороны родни. Те подперли его сзади, он вздохнул свободнее.

– Да нет, – ответил он, – спина у меня в порядке... Я ведь ее не гну, наблюдая за звездами!

В толпе придворных послышались приглушенные смешки. Мрак ощутил, как нечто закипает внутри, но пересилил себя, спросил почти ласково:

– Так почему ж не кланяешься тцарю? Это неуважение.

Придворный, введенный в заблуждение почти просительным тоном, подбодрился и сказал громко:

– Да вот вчера выяснили, что мой род выше твоего!..

Горячая волна ударила из сердца Мрака в руки и ноги. Он сказал громче, но все еще ровным голосом:

– Отныне... ниже!

Он схватил его обеими руками и швырнул через зал в направлении распахнутого окна. Хрустнуло, в светлом проеме мелькнуло темное на светлом небе тело, исчезло. Без крика. На раме осталось красное пятно, струйки крови поползли по стене к полу.

В полной тишине Мрак отряхнул руки, кивнул Аспарду на троих замерших родственников.

– Этих взять, свести в подвал и срубить головы. Нет в Барбусии рода более знатного, чем тцарский.

Аспард, такой же ошеломленный, как и все в зале, пошевелился, осипшим голосом вскрикнул:

– Стража!.. Этих взять... И вон того, куда прячешься? В подвал всех, стеречь!

Но казнить не велел, отметил Мрак одобрительно. Полагает, что тцар лишь пугает. Хотя он и собирался лишь пугнуть, а, впрочем, почему в самом деле не срубить головы тем, кто сеет смуту? Все меньше крови, чем потом утихомиривать бунт...

Он кивнул, двинулся через зал снова такой же надменный, величественный, с неподвижным лицом. Между придворными шла, как он заметил, молчаливая борьба за место ближе к тцару. Даже по дороге к следующему залу все стараются почаще попадаться ему на глаза, будто от этого зависит количество полученных пряников. «А может, – подумал он, – и зависит. Только у меня все наоборот: чья рожа дольше мелькает в поле зрения, в ту больше хочется двинуть».

Охрана выбежала далеко вперед, дорога расчищена, как к выходу из дворца, так и дальше, чуткие уши улавливают резкие отрывистые выкрики начальника стражи. Если есть посетители или просители у ворот дворца, сейчас их оттесняют на расстояние, чтобы никто не добросил камнем...

Стражи распахнули двери в тронный зал. Мрак сразу же, еще до того, как церемониймейстер издал зычный рев, окинул весь зал цепким запоминающим взором. Да, придворные что надо... Вдоль стен притворяются статуями картинные красавцы-стражи: в блестящих доспехах, с упертыми в пол мечами наголо. Несколько высших офицеров бродят по залу, бросая плотоядные взгляды на пухленьких молоденьких красоток, взятых знатными родителями на тцарский выход. Основная масса люда терпеливо топчется на левой стороне зала, правая свободна, туда ведет красная ковровая дорожка. Там, на возвышении, блистающее золотом кресло с непомерно высокой спинкой.

Аспард провел его именно к этому роскошному креслу на помосте, застеленном красным сукном. Спинка у кресла высокая, на нем бронзовый орел с растопыренными крыльями, Мрак сообразил, что это и есть трон, он же престол, сел и с важностью осмотрелся.

Грузный седой человек с такими величественными манерами, что Мрак при виде него едва не вскочил, провозгласил могучим, как рев, голосом:

– Прием начинается!.. Его Величество допускает знатных людей к своему лицемерию!

Только бы жалобами не засыпали, мелькнуло у Мрака в голове паническое. Я ж ни хрена в государственных делах... Да и вообще, если честно, ни в чем, кроме махания секирой.

Но сидел на троне он с неподвижной угрюмой и очень державной мордой. Перед ним проходила череда разноцветных одежд, из которых торчали одинаковые лица. Угодливо кланялись, Мрак видел одинаковые пустые глаза, совсем редко во взглядах что-то живое, но чаще это живое было бессильной ненавистью, злостью, презрением. Двое-трое смотрели, как на пустое место, а кланялись чисто формально, как поклонились бы и столбу, чтобы не отличаться от остальных.

Мрак поставил Аспарда рядом, тот вздрагивал при приближении многих знатных вельмож, вытягивался. Мрак уже по этому определял, кто какой властью пользуется в этом тцарстве. Мрак величественно кивал на поклоны самых знатных, других награждал лишь благосклонным взором, время от времени ронял саркастические замечания вроде: «А какие перья

нацепил, индюк» или «Чего это он весь в зеленом?», на что простодушный Аспард почти всегда отвечал вроде: «Кто, Убигунд? А это он...», в результате чего Мрак получил с десятков имен, а кое-кого Аспард еще и снабдил характеристиками.

К счастью, с жалобами никто не обращался. Вообще, только кланялись и отходили. Видимо, знали, что тцар не любит жалобщиков. А кто их любит, если честно? А так поклонился и пошел себе, а ты ответил чуть кивком, вроде бы тоже какое-то дело сделал, не зря день прожил, что-то совершил, в чем-то поучаствовал...

Толпа расступилась, к нему приблизился ярко одетый человек с дурашливо размалеванным лицом. Мрак насторожился, ожидая подвоха, а размалеванный спросил громко:

– Ваше Величество, спасайте!.. Что делать, я обнаружил, что мой лучший друг тайком пристаёт к моей жене!

– Дать в морду, – ответил Мрак, не задумываясь. – И вообще, что это за друг? Гони в шею!

– Ага, хороший ответ, Ваше Величество. А если лесничий тайком за мзду пропускает в ваш лес браконьеров?

– Выгнать подлеца! – ответил Мрак раздраженно.

– А если нет порядка в государстве, как быть?

Мрак покосился на придворных, буркнул:

– Слушай, а ты че весь такой разрисованный, аки девка непотребная? И пестрый, как будто все пегушинные перья собрал...

Разрисованный удивился:

– Так вы ж сами велели, Ваше Величество! Так и сказали, что, мол, ты, Ойленшиг, намажься красками, чтоб все издали видели шута!

Мрак подумал, сказал:

– Ага, понятно. Вот что, Ойленшиг. Пока иди умойся и оденься, как человек. Мне шас недосуг, но как-нибудь мы с тобой схлестнемся насчет непорядка в государстве.

Ойленшиг исчез, а слева бочком приблизился хорошо упитанный толстячок с румяным улыбающимся лицом. Он весь все время двигался, не человек, а живчик, почему-то весь в розовом, даже сапоги цвета утренней зари. Голос у него тоже был розовый, лицо со здоровым, во всю щеку, румянцем. Розовые пухлые пальцы блестели множеством перстней, камешки толстячок тоже подобрал розовые. Даже разные брошки и пряжки сверкали только розовыми огоньками.

Поклонился, прошептал:

– Ваше Величество, завтрак уже готов. Изволите проследовать?

– Завтрак? – удивился Мрак. Потом вспомнил, что он еще не завтракал, ну прямо совсем голодный, вот-вот упадет от голодного обморока, а то, что было, – всего лишь холодная закуска перед завтраком. – Да, пора, а то в животе уже кричит от дикого голода!

Румянолицый поклонился, взглянул искоса, отступил. Мрак воздел себя с трона, сказал повелительно:

– Аспард, пойдём.

– Ваше Величество! Может, вас проводит Квитка?

– Пойдем-пойдем, лодырь!

В соседнем зале, совсем малом, от одного конца стола до другого можно камнем докинуть, стол уже накрыт, слуги застыли под стенами. В глазах готовность сменить блюдо, добавить, налить вина...

Мрак окинул стол оценивающим взглядом. Да, на завтрак уже не только холодное, но и горячее, вон пар идет от широких чашек с крепким мясным отваром, валит столбом от жареного поросенка со сметаной и хреном, поднимается тонкими горячими струйками от печеных угрей.

Кроме того, на столе успел заменить горки зеленого гороха в стручках, зеленую фасоль, блестящую от политого масла, репу с мясным фаршем, кислую капусту с грибами и сметаной, соус из капусты с икрой, грибы жареные, тушеные, холодную говядину, оленину, мозги жареные, вареные и даже со сморчками, холодную телятину, грудинку и телятину от лопатки, жареные телячьи ножки, баранью грудинку с репой, поросенка вареного под соусом, поросенка вареного с хреном и сметаной, вареную свежепросоленную ветчину... да, это вещь, вареный копченый окорок, печеную вареную ветчину с соусом, хреном и горчицей, котлеты из зайца, цыплята под соусом из крыжовника, гусь с грибным соусом, гусиные потроха с соусом из чернослива, шуку вареную под сметаной, котлеты из рыбы, окуней, жаренных с маслом и яйцами, раков вареных, яичницу на сковороде с черным хлебом и ветчиной, яйца гусиные печеные, пирожки и вареники всевозможные, кашу рассыпчатую на грибном бульоне, кашу из зеленой ржи, сырники, простоквашу, сосиски свежие, колбасы кровяные, колбасы из гусиных печенок, сосиски из мозгов, сосиски из раков и зайца, сосиски из рыбы...

Стол уходил вдаль, там он рассмотрел не все, но пахло с того конца стола здорово. Даже пожалел, что не сел с той стороны, а шас вроде бы неудобно тащить за собой кресло... да и не кресло здесь, а тоже трон, черт бы его побрал, такое неудобство.

– Нехудо, – определил он бодро, – нехудо здесь кормят! Как думаешь, Аспард?

Аспард вздрогнул.

– Как скажете, Ваше Величество.

– Так и скажу. Как сядем: ты с этого стола, а я с того? И встретимся посередине? Или кто первый добежит, тот и выиграл?

Аспард вздрогнул сильнее.

– Ваше Величество, – запротестовал он, – увольте, я столько не съем!

Мрак кивнул на слуг с кувшинами в руках.

– Дык нам же дадут запивать, надеюсь?

После этого легкого завтрака, ну прямо совсем легчайшего, он под белы руки вернулся в зал, сумел с помощью почтительных советников взобраться на трон, откуда и продолжил то, что именуется тцарским приемом. На месте зала перед глазами колыхалось цветное марево, оттуда вяло проползали слабые звуки, а запахи так и вовсе исчезли.

Он потряхивал головой, двигал складками на лбу, лоб тоже осоловел и не двигался. У голодного зверя обостряются слух, нюх и даже зрение, а он не только ослеп, оглох и онохел, но и мозги откинули лапы в сторону и бесстыдно спят посреди бела дня.

Из цветных пятен выделилось одно, что росло и двигалось в его сторону. Он снова потрянул головой, напрягся и наконец рассмотрел, как от раскрытой двери через толпу придворных проталкивается женщина. Вернее, для нее дорогу расчищают двое рослых мужчин. За спиной ахнул и тихонько выругался Аспард. Это он был уверен, что тихонько, но чуткие уши Мрака уловили злость и отчаяние в голосе начальника стражи. Да еще ноздри схватили запах, который Мрак раньше слышал только от загнанных и уже обреченных оленей, что смотрят в глаза свирепых псов.

Женщина, двигаясь грациозно и раскованно, вышла на свободное место. В зале наступила мертвая тишина. Мрак ощутил, что сейчас разразится катастрофа. Тишина стояла такая, словно все страшились не только двигаться, но и дышать. Женщина смотрела на него с обольстительной улыбкой. Каждое ее движение было исполнено такой грации, какая приходит только после долгих-долгих упражнений.

– Ваше Величество, – сказала она чарующим голосом, у Мрака дрогнуло сердце, а под сводами высокого зала запели незримые птицы, – Ваше Величество, вы вчера, после того как... одобрили мой танец, обещали выполнить любое мое желание...

Мрак краем глаза уловил горестное выражение лица Аспарда. Верный начальник охраны не ждет ничего, кроме неприятностей. Впрочем, у него работа такая.

– Ну-ну, – проронил он настороженно, – раз обещал, надо исполнять. Говори!

– Ваше Величество, – сказала она еще обольстительнее, – я настолько восхищена вашим дворцом, вашими богатыми залами и особенно вашим дивным тронем, в котором столько золота, рубинов, изумрудов, даже алмазов!

– Ничо, – обронил он, – ничо дворец. Да и трон... ничо.

– Ах, – воскликнула она восторженно, – не скажите! Он великолепен. У меня к вам необычная просьба... но необычная для людей, которые не сталкиваются с искусством, но весьма привычная в нашем артистическом обществе... Я хочу, я мечтаю, я страстно стремлюсь, Ваше Величество... как это сказать поделикатнее... справить большую нужду на это бесценное произведение искусства!

В зале кто-то громко ахнул, но тишина стояла такая, что, пролети сейчас по залу муха, оглушила бы всех звоном своих жестяных крыльев. Мрак слышал, как за спиной проскрежевели зубы Аспарда, а дыхание стало чаще.

Он старался держать морду неподвижной, но череп раскалится от суматошно прыгающих и сталкивающихся лбами мыслей. Справить нужду, а попросту – насрать на чью-то песню, статую, книгу – это в артистической среде, он знал, норма. Но кто бы ее ни подговорил совершить это по отношению к трону, это будет конец для трона. Даже для всей Барбуссии. Нагадить на трон, да еще вот так прилюдно, с его разрешения, это похлеще плевка в лицо, от которого не вытереться. Это нагадить на боевое знамя, на герб Барбуссии, на предков, на имя, на то, что вообще называется страной и государством. После этого здесь будет не страна, а лишь территория. Территория, заселенная людьми. Просто народом. Который приходи и бери.

Он растянул губы в усмешке.

– Что делать... Раз обещал, то обещал. Теперь понимаю, почему ты терпела со вчерашнего дня.

Она победно улыбнулась, во всем зале только она двигалась, а остальные не смели шевельнуть даже глазными яблоками, вот так выпучили глаза и скрестили взоры только на ней.

Женщина медленно шла по красной ковровой дорожке, бедра изумительной формы умопомрачительно ходят из стороны в сторону. Хороша, мелькнуло в голове Мрака. Такая любого мужика с ума сведет, да и многих мужчин заставит пошатнуться. Явно поднялась с самого дна, когда танцевала перед пьяными моряками и спала с ними за ломоть хлеба, а потом постепенно добивалась искусством танца, что ее принимали все выше и выше, пока не добралась до дворца. А вчера, выходит, настолько очаровала тцара, этого идиота...

Мрак сошел с трона, кивком подозвал Аспарда. Женщина подошла к трону, уже готовилась поднять ногу, как Мрак сказал громко:

– Аспард! Не спишь?.. Проследи. Речь шла только о большой нужде! Она может насрать на трон, но если упадет хоть капля мочи, ты ей тут же обрубь ноги... а потом тащи в подвал, где обрубь и руки. Но не сразу, а сперва пальцы, потом кисти... Понял?

Аспард с обнаженным мечом в руке прыгнул к женщине. Он еще не понял, но заорал:

– Готов! Готов, Ваше Величество!

Женщина заколебалась, нарумяненные щеки медленно бледнели. Она испуганно посмотрела на меч, на свои изумительной формы стройные ноги, зябко вздрогнула и даже обхватила себя руками за плечи.

Не сразу она заговорила, из ее голоса исчезли чарующие победные нотки, зато во весь голос звучал неприкрытый страх:

– Ваше Величество... вы понимаете, что это была только шутка...

– Шутка? – переспросил Мрак.

– Шутка, шутка, – заверила она, но глаза ее, большие, как у перепуганной лани, испуганно метнули взгляд в сторону группки мужчин, богато одетых, что следили словно бы с ленивым интересом. – Я никогда бы не осмелилась, никогда бы...

Аспард смотрел преданно, дышал часто, на лбу выступили крупные капли пота. Мрак сказал громко:

– Аспард, возьми вон тех двух... В подвале пусть расскажут, кто придумал такую шуточку.

Аспард гаркнул совсем не дворцовым голосом, в зал ворвались крепкие ребята в железе, мигом схватили тех, кто помогал женщине проталкиваться к трону, скрутили и вынесли во мгновение ока.

Мрак звучно отряхнул ладони. Звук был такой, словно ударились два бревна, оглядел притихший зал. Все смотрели на него, вытаращив глаза и распахнув рты.

– Я люблю шутки, – прорычал он. – Очень люблю... И буду с вами шутить часто и много. Правда, один мой друг уверял, что у меня нет чувства юмора, что шуток не понимаю и шутить не умею, но это все брехня!.. Я буду с вами шутить, буду. По-своему. Как умею. Или как получится. Много буду шутить... Аспард!

Аспард откликнулся ликующе:

– Здесь, Ваше Величество!

– Проследи, чтобы тех шутников пошутили... по-моему. После того как все дознаешься, проследи, чтобы повесили на городских воротах с высунутыми языками. Да не ворота с высунутыми языками, это я так шую!

– Будет сделано, Ваше Величество! – отчеканил Аспард преданно.

Мрак повернулся к замершему залу. Глаза его грозно пробежали по окаменевшим рядам, он прорычал, как разбуженный лев:

– А теперь пока без шуток!.. По пьяни я мало ли что мог сболтнуть, но если кто попытается меня на этом поймать, я его тоже поймаю. И вывешу такого шутника на городских воротах, чтобы все видели. Понятно?.. А теперь, Аспард, что у нас там дальше? Зови...

В зале потихоньку восстанавливалось движение. Из раскрытых дверей в зал время от времени входили наиболее знатные, коим стоять в зале и смотреть на тцара зазорно, это самые знатнейшие роды, самые родовитые и могущественные. Знали они или нет про случай с танцовщицей, но входили с одинаково надменными лицами, кланялись едва-едва, смотрели свысока, словно это они на троне, а он в какой-то зловонной яме.

Да, запустил тцар хозяйство, подумал он с неодобрением. Не надо было и браться, раз не можешь... Правда, это за работу егеря или рыбака можно не браться, если не умеешь, и правильное дело – не браться, но с тцаркостью такое не пройдет, не пройдет. Тут рождаешься тцаром, никуда не денешься. Как иной рождается рыжим, горбатым или лысым, и тут уж хоть пищи, но лезь, так и здесь – тцарствуй! Даже отказаться ну никак низзя. Сразу же с десяток родов начнут борьбу за трон, у всех знатные корни, все арийничали в свое время или гиксничали, а то и вовсе гиксосили, резня, гражданская война, пожары, вся страна в крови по колено... Нет, тцарскую корону надо держать, дабы в стране был мир и покой.

Внимание привлек рослый красавец в добротном стальном панцире. Его носил с такой простотой и легкостью, привыкнув, как к собственной шкуре, что Мрак сразу признал опытного воина. Аспард нахмурился, шепнул:

– Рагнар Белозубый привел с собой слишком много людей... Если Ваше Величество позволит, я удвою стражу у ваших покоев.

Мрак удивился.

– А что, Рагнар чем-то опасен?

– Нет, – ответил Аспард поспешно, – лучший полководец, как можно!.. Столько побед для страны!.. Но никому не позволено приводить с собой во дворец собственную охрану. А он приводит все больше и больше.

– Верно, – согласился Мрак. – Это ж оскорбление нам. Мол, мы такие сопливые, не можем обеспечить охрану от всякого ворья?

Аспард спросил со вспыхнувшей надеждой:

– Так я распоряджусь?

– Насчет охраны? – переспросил Мрак. – Не надо. Я сам...

Его зоркие глаза уже давно вычленили среди придворных шестерых крепких молодых. Вряд ли они такие уж страшные в бою, чересчур высокие и толстые, зато одним видом могут нагнать страх. На них оглядываются, пугливо сторонятся, затем смотрят на Рагнара... и этот страх собирается уже на Рагнаре. Уже его боятся, ему кланяются... чуть ли не ниже, чем ему, Мраку... гм... тцару, дубина, тцару.

Рагнар прошел мимо, не поклонившись, только весело и дерзко подмигнул. Мраку такое не понравилось, он проревел грозно:

– А ты, Рагнар, чего не кланяешься?

Блестящий воин вздрогнул, брови взлетели вверх. Глаза некоторое время неверяще всматривались в лицо Мрака. Мрак задержал дыхание, но после долгой паузы Рагнар с великой неохотой поклонился, чуть-чуть поклонился, всего лишь на палец наклонил голову, а голос его с дерзкого изменился на полудерзкий:

– Вашему Величеству до нас ли, смертных?.. Вы все в звездах, в звездах...

Мрак прорычал громче:

– Верно, Рагнарушко, верно... Но иногда я снисхожу и до мирских дел. Чтой-то за тобой шестеро оболтусов как хвосты плетутся? Боишься кого, что ль? Так не бойсь, тут тебя не зобидят... если сам кого зобижать не станешь. Так что отпусти своих псов...

Рагнар смотрел выпученными глазами. Мрак чувствовал, что здесь что-то не то, между ним и Рагнаром существует какая-то связь, незримая для других, но теперь отступить поздно, надо как-то спасти лицо, но и Рагнар чувствует некую силу за спиной, видно по его побледневшему решительному лицу...

– Ваше Величество, – сказал Рагнар. – Эти люди пришли сюда не сами, а по моему велению. Они всего лишь выполняют мою волю.

В зале наступила мертвая тишина. Все застыли, перестали двигаться, даже перестали дышать. Мрак чувствовал себя на скрещении сотен взглядов. Рагнар стоял перед ним решительный, злой, уверенный в себе.

Мрак повернул голову к Аспарду:

– Он не понимает. Не понимает, что здесь тцар – я. И что здесь могут быть только по моему велению. У тебя сколько здесь человек?

Аспард ответил торопливо, со вспыхнувшей надеждой:

– Двадцать в этом зале, сорок в соседних. Во дворе охрану несут еще семьдесят.

Мрак кивнул.

– Хорошо. Убей этих псов... а этого... в цепи.

Аспард стал выше ростом, раздулся, в глазах засверкали огни, он стал красив и страшен. Прокричал сильным и звонким голосом:

– Стража!..

Рагнар все еще с выпученными глазами смотрел на Мрака, потом спохватился, вскричал:

– Нет, не нужно!.. Ваше Величество, это какое-то недоразумение. Ирарих, уводи людей. Ждите меня на выходе... во дворе.

Мрак милостивым жестом остановил вбежавших стражей. Аспард с явной неохотой повторил жест. Шестеро гигантов в железе заспешили к выходу с такой скоростью, что среди

побледневших придворных раздались робкие смешки. Рагнар стоял перед Мраком красный от гнева.

– Ваше Величество! – сказал он громко. – Разве это не... враждебно?

Мрак стиснул челюсти. Этот красавец на что-то намекает, но на что?

Он откинул голову на сиденье, процедил надменно:

– Кто из нас тцар?

Рагнар некоторое время смотрел на него с бешенством в глазах и во всем облике. Во всей фигуре было патетическое изумление: как этот тцар осмелился такое сказать ему, Рагнару?

Черт, подумал Мрак с бессильной яростью. Угораздило же советнику помереть от простого удара ножом в неподходящее время. Вот тебе и легкая сытая передышка в тцарских покоях. Все на что-то да намекают, никто ничего не говорит прямо. Что за люди?

Аспард смотрел на Рагнара с вызовом. Даже ногу отставил вперед, чтобы красивше откинуться назад и задрать голову, ибо Рагнар повыше, повыше.

Рагнар медленно поклонился, сделал шаг назад и снова поклонился. В его темных глазах Мрак прочел смертельную угрозу. Угрозу и намек на некую власть, которую он имеет над тцаром.

Мрак прорычал:

– Я тцар или не тцар?.. Не забываетесь, люди.

Он увидел, что на него смотрят ошалело. Не понял, в чем дело, ощутил холодок опасности. Рука потянулась с рукояти секиры, но вспомнил, что секира сейчас тю-тю, это у Мрака секира, а у него, тцара, скипетр и держава, то бишь дубина в одной руке, булыжник – в другой.

Аспард сказал дрогнувшим голосом, в котором, как Мрак трезво понимал, за дрожью придет страх... уже пришел, а затем вспыхнет и подозрение:

– Ваше Величество... вы никогда так не говорили!

И другие смотрели дикими глазами, кто-то попятился, а иные вертели головами, явно высматривая стражу. Мрак ощетинился, шас придется драться, самозванца раздерут на клочья, а в это время сбоку раздалось надсадное кряхтение, скрип суставов, похожий на скрип колес несмазанной телеги.

Сквозь толпу протиснулся старый хрыч, ветхий, как прохудившийся мешок, седой как лунь. Он с каждым шагом опирался в пол толстой суковатой палкой, простой палкой, дико смотрелись в середине тщательно вделанные самоцветы. Старик всмотрелся в грозное лицо Мрака, глаза от старости почти белые, выцветшие.

Все в тишине услышали слабый скрипучий голос:

– Ваше Величество... Гаральд Огненный Меч... как давно я вас не зрел!

Кто-то из дальних рядов пробормотал:

– Что несет этот старый пень?

А старик, никого не слушая, влюбленно смотрел в лицо Мрака, тянул:

– Я услышал ваши слова... душа встрепенулась!.. Сколько раз мы слышали ваш голос и вот эти слова... и знали, что снова победим... И все богатства врага будут наши... и все женщины...

Другой голос крякнул:

– Это ему-то вспоминать о женщинах?

А третий вдруг воскликнул:

– Святые боги!.. Да не вселился ли в нашего повелителя дух прадеда? Гаральда?

Голоса заговорили вразнобой:

– Его прадеда?

– Говорят, он бывал крут...

– А это у них часто в роду?

Мрак сделал вид, что у него закружилась голова, закрыл лицо рукой и пошатнулся. Его подхватили под руки, усадили обратно в мягкое кресло с высокой спинкой. Он опустил веки, все равно все слышит отчетливо, напустил на себя полуобморочный вид.

Среди шелеста озабоченных голосов вычленил голос старого хрыча:

– Да когда сильно напьется... У их батюшки такое бывало. То один славный предок проснется и велит войной идти на завоевание мира, то другой, иной всем дает волю, отменяет налоги, а сам уходит ловить рыбу... то еще что-нибудь непотребное...

Аспард, судя по легкому металлическому шороху его кольчуги, с опаской оглянулся на Мрака, не слышит ли грозное Величество, в котором пробудился грозный дух грозного предка, спросил шепотом:

– И что тогда делали?

– Да старались снова упоить как можно быстрее. Чтоб или другой предок воплотился, понормальнее, либо Его Величество пришел в себя. А он тоже был тцар как тцар: пил, ел, с бабами баловался, на охоте пропадал, в дела государственные не больно вмешивался. И все шло хорошо.

Аспард вздохнул:

– И сейчас бы шло хорошо, если бы на трон, что зашатался, не полезли всякие...

Мрак тряхнул головой, открыл глаза. На него смотрели кто со страхом, кто с простым жадным любопытством, кто просто ждал, что будет дальше. Мрак поморщился, сказал медленно:

– Что-то голова заболела... Воздух тут дурной, что ли?.. Да, я побывал ночью в усыпальнице моих великих предков, говорил с ними... Они обвиняли меня, требовали, увещевали... До сих пор их голоса в черепе звенят... Есть в ухе дырки аль нет? Хотя не знаю, может быть, пусть звенят, напоминают, что окромя чудес звездного неба есть и чудеса на земле... Ладно, пошли на пир, чтой-то я поесть люблю...

Аспард провел его через огромный зал, возле двери в следующий – куча охраны, а когда перед ним распахнули дверь, Мрак на миг остановился, ошалелый. Зал впятеро меньше, зато народу впятеро больше, все как медведи да вефри матерые, бывалые, тертые. Всего один стол, но длинный, всего одно кресло свободно... тьфу, не кресло, а трон, остальные заняты, там оживленно общаются эти крепкие мужички, кто в этом зале явно не за родовитость, не за родовитость...

Церемониймейстер провозгласил громко:

– Его Величество Яфегерд, властелин земель Барбуссии, защитник справедливости и карающий меч правосудия!

Его зычный голос все же потонул в гаме и шуме, но кто-то оглянулся, встал без всякой поспешности, с достоинством, глядя на Мрака совсем трезвыми и пронизательными глазами. Другие, заметив изменение, оглядывались, поднимались. Кто-то кланялся, кто-то смотрел почти с вызовом, кто-то держался так, чтобы на морде не больше выражения, чем на коре старого дуба.

Мрак прошествовал к трону, милостиво улыбался, кивал в ответ, а когда заметил среди присутствующих женщину, поклонился. Ее лицо вспыхнуло, глаза расширились в негодовании. Он уже видел, как на ее пунцовых губах закипает что-то злое, но сдержалась, а он величественно опустился на мягкое сиденье. Все старался понять, что же он сделал не так, а глаза шарили по пиршеству, пытаясь схватить все разом и понять здесь роль каждого.

Знатные люди, как всех их назвал Аспард, до его прихода уже успели опорожнить несколько кувшинов вина, слуги поспешно заменяют на полные, сейчас парадные двери распахнулись, сразу потянуло ароматным запахом свежезажаренного мяса. Вошли с блюдами в руках дюжие ребята, на подносах оранжевые до коричневости тушки гусей, лебедей, мелкой

птахи, следом четверо внесли, сгибаясь под тяжестью, огромное блюдо с зажаренным целиком кабаном...

Троих за столом Мрак знал: это Квитка, Сисад и Билга. Квитка – это который весь из себя розовый шар в перстнях и брошках, управляющий. С Сисадом и Билгой общался, по крайней мере ответил милостивым наклоном головы на их совместный поклон, остальные вроде хорошо знают его, все-таки тцар, не хвост собачий. Если что и не так, то плюс к его чудаковатости еще и удар дубиной по голове, это ж все перепуталось, перемешалось, что-то забыл...

Он благосклонно кивал, улыбался, потом сел, и все присутствующие тоже сели, но без спешки, не солдаты, а равные, почтившие хозяина дома, не больше. Кто-то сбоку поинтересовался самочувствием. Мрак кивнул, сказал, что уже ничего, все в порядке, только временами в голове звон и тогда просто забывает, что с ним и где он, но лекари обещают, что скоро все пройдет.

Тоже кивали, соглашались, что все пройдет, у Его Величества крепкий организм, не зря же деды и прадеды всю жизнь провели в полевых шатрах, спали у костров, положив под голову седло, даже батюшка ломал по две подковы разом, хоть уже и не очень к войнам был охоч...

В этих речах, как он заметил, сквозило и осуждение, что он занимается только звездами да лекарями, и в то же время облегчение, что ли... Свои радуются, что сидят во дворце за таким столом, а не спят у костра с седлом под головой, чужеземные послы тоже довольны, можно спокойно и без спешки готовиться к войне, явно же победоносной, такой правитель им не помеха...

Пышно одетый слуга услужливо опустил перед Мраком на стол золотое блюдо. В золотистом соусе лежала хорошо обжаренная змея, сверху ее посыпали сушеными пауками, а с боков примостили каких-то вареных ящериц.

Мрак уставился обалдело, а повар сказал почтительно:

– Свеженькая, молодая!.. Только что изловили, ухитрилась перекусать троих, пока в мешок засунули. А пауки еще час назад мух ловили. Так что не сомневайтесь, все самое свежее!

Мрак просипел:

– А мухи-то хоть... толстые?

Повар всплеснул руками:

– Ну конечно же! Мы ж их выкармливаем уже десять лет. Ни у одного тцара таких нет.

– Ага, – сказал Мрак, – ну, тогда...

Он задержал дыхание, отрезал от змеи кусок и отправил в рот. Пахнет сносно, на вкус оказалось тоже терпимо. Вообще-то он в дороге, когда живот сводило от голода, ел и змей, и ящериц, но с какой дури есть эту гадость за таким столом, где на расстоянии вытянутой руки зажаренный гусь, коричневая корочка блестит, покрытая мельчайшими бусинками сладкого ароматного сока, только тронь – хрустнет, как молодой ледок, а из разлома такой пар, такой запах...

Он механически жевал проклятую змею, но смотрел на гуся, так получалось лучше. Аспард, простой в манерах, вытащил из-за голенища огромный нож, отхватил от гуся половину и с торжеством уволок себе на блюдо. Мрак заставил себя оторвать взгляд от второй половины, Аспард и ее скоро утащит, пробежал взглядом по лицам гостей уже внимательнее.

Рагнар, военачальник и лучший полководец, с этим что-то неясное, за ним с приятной улыбкой на приятном лице грузный мужик, чей-то посол, имя вылетело, ест мало, пьет еще меньше, с той же приятной улыбкой выслушивает любого собеседника, что-то отвечает, а улыбается все приятнее и приятнее, скоро рот вовсе раздерется. Одет не ярко, но и не бедно, а так, чтобы сразу видно: человек умный, про одежду много не думает, не щеголь, но одевается так, чтобы всем было приятно на него смотреть.

За ним справа посол из Славии, этот больше похож на могучего буйвола: крупная квадратная голова, что на широких плечах почти без шеи, выпуклая грудь, длинные толстые руки.

Одет пышно, но чувствуется, что это его одели, а не он сам выбирал. Такой предпочитает что-нибудь попроще, а седло коня ему привычнее, чем мягкие кресла во дворах... Интересно, что же из него за посол, ибо послы – это что-то хитрое, изворотливое, постоянно копающее под правителя той страны, куда послано...

Дальше сидит Хугилай, если он правильно расслышал, главный управляющий делами Барбуссии. Вот дивно, тцар – он, а делами управляет другой... Нет, управлял, конечно, тцар, но у тцаров других дел хватает, поважнее и поинтереснее: у кого петушинные бои, у кого пьянка и бабы, у кого звезды, вот и получают, что на плечи расторопных слуг начинает сбрасываться полегоньку часть державной ноши...

Хугилай возраста среднего, да и роста среднего, но в плечах неимоверно широк, даже пошире его самого, грузен до безобразия, длиннорук, но что приковало внимание Мрака, так это страшноватое и одновременно красивое лицо. Голова Хугилаю досталась, как пивной котел, потому места хватило и крупному носу, и крупным губам, и огромному рту с толстыми, как олады, губами. Нижняя челюсть как у коня, но Мрак всматривался в глаза, в которых горит отвага, мужество, но вместе с тем высокомерие, несвойственное простому управляющему. В нем была доброжелательность и в то же время затаенная и тщательно упрятанная злость...

– Как тебе здесь, Аспард? – поинтересовался Мрак.

Аспард вздрогнул, едва не выронил гусиную лапу.

– Странно, – признался он. – Первый раз вы меня пригласили за этот стол, Ваше Величество! Но, скажу вам, не мешало бы вам... уж не прогневайтесь, заглянуть хоть разок на задний двор, где солдатские бараки, оружейные, кузницы... Надо бы показаться солдатам, чтобы взвеселить их сердца. Не обессудьте, но в костер преданности тоже нужно подбрасывать дровишек...

Он умолк, лицо стало напряженное, словно сболтнул лишнее. Мрак вытер полотенцем рот, поднялся.

– Пируйте, пируйте! Мы с Аспардом малость пройдемся, а потом... может быть, даже вернемся.

Рагнар провожал тцарскую фигуру ошалелым взглядом, в котором все ярче разгорался гнев. Похоже, что тцар переоценивает его благородство, переоценивает. Сам брякнул, никто за язык не тянул. Высшими богами поклялся, самим богом Кибеллом... Теперь все, он в его руках. А руки у Рагнара, как и у всех из его рода, цепкие. Не вывернешься...

Мрак оглянулся, Рагнар успел увидеть сильное свирепое лицо. В душе на мгновение колыхнулся страх. А что, если в самом деле тцар сумел как-то соединиться душами со своими предками... а там, говорят, были и сильные воители, не только растяпы, что смотрят на звезды...

В растерянности он опустился за стол, сжал руками виски, стал до мелочей восстанавливать тот особый день, день наибольшего ужаса в его жизни и... наибольшего триумфа. Тогда для него это началось с жуткого страха, но теперь со слов тцара и Регунда он знает до мелочей, как все происходило.

Это было всего полгода назад. Слухи, что тцарица плоха, стали все упорнее. Неведомая болезнь пожирала ее некогда дородное тело. За две недели она иссохла в щепку. Тцар горевал, уже приготовился к неизбежному, но все равно вздрогнул и побелел, так рассказывает его советник Регунд, когда он в тот день вошел без стука и сказал с порога:

– Светлый тцар... Тцарица совсем плоха.

– А что волхвы? – спросил тцар беспомощно.

– Волхвы... – Регунд развел руками. – Что они могут... Ну пошептать, ну дать травки, чтобы не так болели зубы. Но когда придет та с косомахой, что делает даже самый могучий волхв или самый умелый жрец?

Тцар опустил голову:

– Но что они говорят?

Постельничий снова смиренно развел руками:

– Что волхвы скажут? Твоего гнева страшатся. Потому и тянут с правдивым ответом. А сами, я уже выведал у слуг, собираются ночью удрать из города. А то из твоего тцарства вовсе.

Тцар в бессилии стиснул кулаки. Постельничий тупо смотрел на могучие руки тцара, покрытые черными волосами. Хоть изнежен, хоть сам в корыто с водой не переступит без поддержки, но боги дали ему могучее тело, облик воина и могучий голос, который обычно звучит тихо и умоляюще, словно он не тцар, а приглашенный звездочет.

– Что советуешь?

Постельничий сказал робко:

– Послушаться тцарицу... Она просит не так уж и много.

– Что она хочет?

– На этот раз всего лишь покаяться в своих проступках Верховному Волхву. Чтобы тот назначил ей жертву богам и очистил ее от их имени.

Тцар вскочил.

– Что?

Постельничий рухнул на колени:

– Прости... но она просит не так уж и много.

Тцар развел руками:

– Ну, если это все...

– Увы, – добавил постельничий, – тут маленький пустячок. Она не доверяет волхвам Барбуса. И вообще волхвам Барбуссии. Все-таки она дочь тцара Славии, привыкла к своим храмам, своим богам. И хотя здесь жила по нашей правде, но перед смертью жаждет открыть душу и очиститься только перед волхвами Славии.

Тцар потряс огромными ручищами.

– Ты понимаешь, что речешь? До Славии полтыщи верст, но и то для наших Змеев – раз плюнуть. Только где я отыщу там волхвов? К тцару Славии не обратиться, у нас почти война. Если бы там был прежний тцар Панас, а так там Рулад, тот ради родной дочери пальцем не шелохнет. Правда, можно послать верных людей тайком, чтобы выкрали пару волхвов... А что? Если надо, приведу и в цепях. Не в тцарице дело, а никто не смеет противиться моей воле...

Всегда тихий, он разволновался так, что сейчас голос его гремел, как раскаты грома. Постельничий втягивал голову в плечи, горбился, а когда раскаты стали чуть тише, пролепетал робко:

– Ты мудрый, ты придумаешь. Но помни, что она может не дожидаться утра.

– Что-о?

– Я подслушал разговор твоих лекарей. Потому и хотят бежать сегодня ночью.

Он сжался, ожидая яростной вспышки, но тцар, к его удивлению, обмяк, осел на троне, как снеговой сугроб под лучами весеннего солнца. Лицо внезапно постарело, и постельничий ощутил, что могучий тцар в растерянности.

Стражи с той стороны двери вздрогнули и выронили оружие, когда из тцарских покоев раздался мощный рык:

– Кленок, ко мне!

Когда молодой воин по имени Кленок вбежал в покои, тцар стоял полуодетый посреди палаты. Страж опустил на колено, тцар сказал непривычно звучным голосом:

– Встань и слушай. Бери лучшего коня, скачи к воеводе Рагнару Белозубому. Пусть в чем есть, не медля, садится на коня и скачет с тобой. Приведи его в мои покои. Только быстро! Одна нога здесь, другая – там!

Кленок, пятясь, выскочил из палаты. Никогда не видел тцара в такой растерянности и торопливости.

Конюх не стал задавать вопросы, позволил выбрать лучшего в скачке коня, и вскоре ворота распахнулись. Он выметнулся, как вольный ветер, копыта стучали, конь радостно встряхивал гривой и несся как стрела, сам отдавшись бегу.

В тереме Рагнара горел свет, из окон доносились удалые крики, песни. Ветерок донес запах браги и хмельного меда. Кленок набросил повод на крюк коновязи, здесь все добротное, весело, ноги сами внесли на высокое крыльцо.

В главной палате было шумно, за тремя длинными накрытыми столами веселились крепкие могучие воины. За двумя столами старались перекричать один другого в песнях, за третьим смеялись и со стуком сдвигали кружки, расплескивая красные капли. Псы шныряли под столами, грызлись из-за костей с обильными остатками мяса.

Воевода Рагнар по прозвищу Белозубый восседал за третьим столом. Он ничем вроде бы не выделялся среди воинов – ни одежкой, ни стулом с резной спинкой, разве что ростом и шириной плеч, но Кленок безошибочно направился к нему. Воеводой Рагнар стал не за белые зубы, а за отвагу и умелость в битвах, а Белозубым прозвали за привычку скалить зубы и шутить даже в самых кровавых схватках.

– Воевода, – сказал Кленок торопливо, – тебя изволит видеть наш светлый тцар.

Рагнар удивился.

– С чего бы?

– Он в гневе, – сказал Кленок. – Что-то случилось. Тцарица умирает! Тцар велел тебе прибыть немедленно.

На веселом лице воеводы промелькнула тревога. Он покосился на хмельных гуляк, те разговаривали, смеялись, хвастались, бранились и тут же обнимались, клялись в вечной дружбе, никто не слышит, и он спросил осторожно:

– Он что-то сказал еще?

– Нет. Только ехать в том, в чем застану.

Кленок смотрел на него с обожанием, Рагнара Белозубого любили все, от воинов и до последних простолюдинов. За дальним столом как раз поднялся немолодой воин, поднял чару:

– За нашего храбрейшего из воевод – Рагнара Белозубого!

– Слава! – закричали за столами.

– Слава!

– Будем!

Рагнар поднялся, поклонился, залпом осушил кубок, а пока воины радостно орали, чокались краями серебряных кружек, шепнул:

– Тцарская воля – закон. Быстро оседлай моего коня, я сейчас выйду.

Кленок выскользнул, на него внимания не обращали, в палате чадно, пахнет подгорелым мясом, душистыми травами. Перегретый воздух колыхается так, что проводи здесь двугорбого коня, и тогда не заметят в пьяном угаре.

Воевода вышел на крыльцо, как и обещал, в той же одежде, только набросил поверх рубашки кольчугу тонкой работы. Русые кудри убрал под шлем, край надвинут на самые брови, глаза тревожные, видно даже в ночи. Слабый свет полумесяца блестел серебром на широко разнесенных плечах.

– Конь готов?.. Молодец. Ну, боги все видят...

Кленок сбегал к темным воротам, стражей не было, пируют вместе со всеми. Тяжелые створки загрохотали навстречу ночи, раздвинулись, как крылья ночной бабочки. Дорога загрохотала под крепкими копытами быстро и предостерегающе.

Рагнар скакал насупленный, в лице тревога проступала все отчетливее. Мальчишка раздирался от сочувствия: обычно тихий, как будто пришибленный тцар сейчас грозен, лют и явно

несправедлив в гневе, но воеводе бояться нечего, он у тцара самый лучший, тцар его ценит, не зря же в трудный час позвал именно его...

Конь воеводы поравнялся с ним, лицо воеводы в ночи казалось бледным, как у мертвяка, а вместо глаз зияли темные впадины. Голос прозвучал глухо:

– Ты хоть слышал... из-за чего я тцару мог понадобиться так срочно?

– Не знаю, – ответил Кленок, но, увидев, как еще больше омрачилось лицо любимого воеводы, добавил торопливо: – Там все по-прежнему, только тцарица вроде бы совсем плоха.

Ему показалось, что воевода вздрогнул. После паузы, когда слышен был только стук копыт и свист встречного ветра, голос воеводы прозвучал совсем печально:

– Да, тцарица сильно смягчала нрав нашего светлого...

Кленок ощутил, как недобрый холод внезапно начал пробираться до костей. Губы задрожали, а голос сорвался:

– И что теперь? Неужели нрав Его Величества изменится?

– Узнаем, – ответил воевода несчастливо.

Дальше скакали в молчании, так же пронеслись и в раскрытые ворота. Не останавливались, пока не ворвались в тцарский двор, привязали коней, и только на крыльце Рагнар остановил молодого воина:

– Дальше я один.

– Но он велел...

– Остайся, – сказал Рагнар мягче. – Кто знает, что на уме этого...

Он не договорил, но Кленок понял, что герой просто хочет уберечь его от внезапного приступа гнева, что может случиться с тцаром от сильного горя. Сердце переполнилось горячей благодарностью, а в глазах защипало. Он смотрел в удаляющуюся спину с пламенной любовью, молча давая себе клятву отдать жизнь за этого благороднейшего из людей, когда тому потребуется.

А Рагнар вошел в покои быстрым шагом воина, который умеет быть быстрым, не выказывая суетливой торопливости. Тцар, уже одетый, возился с замком одной из сундуков, что стояли у него в личных покоях. Обернулся как ужаленный:

– Ты?... Что подкрадываешься?

– Торопился, – пробормотал Рагнар, на самом же деле топал, как конь, еще и половицы визжали, будто с них сдирали шкуру. – Что изволишь, пресветлый тцар?

Тцар смотрел на него глазами, полными слез. Рагнар, чувствуя неладное, опустился на колени:

– Если в чем провинился, прости! Только боги не делают ошибок.

– Вставай, – бросил тцар измученным голосом.

Рагнар покачал головой:

– Я знаю, ты никого не зовешь ночью просто так. Я вижу, какое у тебя лицо. Что случилось? Я догадываюсь, что у меня один выход – в пыточный подвал...

Тцар сказал раздраженно:

– Да встань же!

Рагнар сказал упрямо, чувствуя, как страх стиснул уже не только сердце, но и внутренности:

– Скажи хоть, в чем моя вина?

– Да не обвиняю тебя, дурак!

– Но тцар... Ты никого не вызывал так внезапно, среди ночи...

Тцар гаркнул, выпучив глаза и раздувая ноздри:

– Тебя в самом деле туда сейчас поволокут, если не встанешь!

Рагнар поспешно поднялся, но голос держал униженным:

– Я не знаю причины твоего гнева. В чем я виноват, скажи...

Тцар заорал, вскинув кулаки:

– Что за дурак! Клянусь тебе всеми богами, что ни в чем тебя не обвиняю. А если и виноват ты в чем, то клянусь опять же всем святым на свете, клятвой Кибелла клянусь, что волос с твоей головы не упадет по моей воле, пальцем тебя не трону! И никогда ничем на тебя не посягну, вреда не причиню! Вот прямо перед алтарем Кибелла клянусь, что пусть меня он живого утащит и на том свете каждый день на кол сажают, если нарушу слово!.. А если вздумаю хоть слово тебе сказать худое, то пусть мой язык Кибелл тут же и выдерет! Теперь доволен?

Рагнар перевел дыхание, пусть лучше сочтут дураком, чем опасным для трона, голос его все еще подрагивал:

– Тогда... зачем?

– Дело тайное, Рагнар. Только ты да я должны знать, понял? Поклянись.

– Клянусь, – сказал Рагнар поспешно. – Я и без клятвы всей душой... Но клянусь всем на свете... А что за дело?

Тцар откинул крышку скрыни, достал оттуда и бросил в лицо воеводе белую одежду:

– Одевайся!

Сам он вытащил такую же точно, встряхнул брезгливо, и пока Рагнар рассматривал странную одежду, быстро натянул поверх своих тцарских одежд. Только теперь воевода признал длинную одежду волхвов, нелепую для жизни, с непомерно длинными широкими рукавами, чехлом для головы, а полы почти подметают землю.

– Да одевайся же, – прошипел тцар. – Тцарица просила исполнить ее последнюю волю. Мол, чтобы я прислал к ней Верховного Волхва, дабы она могла очиститься от преступлений... какие преступления у такой чистой души?.. Настоящие преступники и не думают очиститься, а несчастный, что нечаянно на муравья наступит, тут же бежит с пожертвованиями в храм! Ладно, ты готов? Да сними ты эти сапоги!.. Волхвы ходят босыми, не заметил еще?.. Пошли.

Рагнар нахлобучил капюшон на лицо так, чтобы скрыть его полностью, почти на ощупь двинулся за тцаром. Тот почти бежал, босые ступни звонко шлепали по чисто выструганным доскам. В длинной одежде чувствовал себя скованно и нелепо, в ней ни работать, ни драться, все волхвы – бездельники и обманщики, кроме колдунов, конечно.

Они пробежали через ночные палаты, светильники горят слабо, запах животного масла совсем легкий, тут же растворяется в ночной свежести. Страж на дверях тцарицы не узнал, поклонился:

– Мир вам, святые отцы!

– И тебе покой, – буркнул тцар на ходу.

Рагнар промолчал, радуясь и ужасаясь такому обману. Дверь распахнулась без скрипа, он успел увидеть на дверных петлях блестящие капли масла.

Покои тцарицы освещены едва-едва, ее глаза уже не переносят яркий свет. Ложе посреди покоев, среди пышных одеял и шкур ее тонкая фигурка едва различалась, еще больше исхудавшая. Светлые волосы разбросались по подушке в беспорядке. По ту сторону ложа застыла заплаканная сенная девка. На вбежавших волхвов взглянула враждебно.

Шлепая босыми ногами, тцар подбежал, но от ложа остановился в двух шагах. Капюшон нависал, пряча лицо в тени. Рагнар со смиренным видом встал рядом, ибо Верховный Волхв, как всем известно, всегда должен иметь при себе помогающего ему волхва высокого ранга...

– Приветствую тебя... тцарица, – выговорил тцар. Он запыхался, голос звучал хрипло, а Рагнар удивился, как меняется голос из-за пары орехов за щекой. – Тебя любят боги... уф-уф... если так настойчиво зовут к себе. Но твой вид говорит, что ты еще не скоро покинешь землю...

Тцарица приподняла веки, видно, с каким трудом, тут же опустила. Из исхудавшей груди вырвался тяжелый вздох:

– Не утешай меня, святой волхв... Я чувствую, что скоро предстану перед богами.

– Чувства людей обманывают, – возразил тцар, и Рагнар подивился теплоте в голосе всегда равнодушного к людям тцара. – Ты еще потопчешь молодую травку.

Тцарица снова приоткрыла глаза, мгновение всматривалась в смутно маячившие перед ней две фигуры:

– Как вы добрались так быстро, святые волхвы?

Рагнар смиренно наклонил голову, не зная, как соврать, а тцар нашелся первым:

– Мы скакали на быстрых конях, мы летели на Змее, мы бежали через весь двор, как испуганные зайцы. Но теперь мы здесь, и ты можешь нам облегчить душу.

Он слегка повел головой в сторону Рагнара, и тот прошептал как можно смиреннее:

– Да-да, облегчи душу. Боги все поймут.

Веки тцарицы опустились. Она дышала все медленнее, Рагнар уже начал думать, что она так и отойдет светло и тихо, но тцарица с усилием разомкнула уста, голос ее прозвучал хрипло, исполненный стыда и страдания:

– Я была хорошей тцарицей, но я нарушила заветы богов... ибо все эти годы я любила... и донныне люблю...

Голос ее прервался, тцар спросил осторожно:

– Ну-ну...

– Самого лучшего из мужчин на свете... самого смелого воина... его имя на устах у всех...

Снова она долго отдыхала, в комнате слышалось только хриплое дыхание умирающей, в то время как оба в длинных одеяниях волхвов вовсе затаили дыхание. Тцарица наконец набралась сил, с губ ее сорвалось тихое:

– Его зовут Рагнаром Белозубым... Он самый отважный воевода...

Человек в одежде Верховного Волхва дернулся, спина его на миг выпрямилась, но тут же он тряхнул головой, надвигая капюшон глубже на лицо.

– Кайся, кайся...

И второй волхв, дернувшись, повторил осевшим голосом:

– Кайся...

– Я прошу принять от меня во искупление моей вины... – прошептали бледные губы, – вон ту шкатулку... Там золотые монеты и драгоценные камни...

Верховный Волхв крякнул, голос его был строгим:

– Мы будем просить богов об очищении.

После паузы тцарица заговорила снова:

– Свою девичью честь я отдала не тцарю... этот дурак напился так, что хоть самого... Воевода Рагнар отнес меня в тцарскую спальню...

Верховный Волхв издал странный звук, словно в нем скрипнули мельничные жернова. Тяжелым, как Авзацкие горы, голосом прохрипел:

– Что ж, и эта вина...

А второй подтвердил учащенным голосом:

– Да-да...

– Примите от меня вон ту чашу, она вся из чистого золота, украшена драгоценными камнями... Из нее пил сам Яфет, она имеет чудодейственные силы...

Верховный Волхв сказал после молчания:

– Мы будем просить богов.

– И еще... я четырежды пыталась отравить тцара... но один раз его пес перехватил отравленный кус, в другой раз он сразу же так напился, что все выbleвал... Ой, тяжело мне... А в последний раз я носила при себе яд пять лет, и он выдохся... Это когда дурак страдал животом неделю...

Верховный Волхв что-то прохрипел, будто его за горло держали невидимые пальцы. С трудом выдавил:

– Что ж, перед смертью... ты прощена.

Второй волхв сказал прерывистым голосом:

– Перед смертью...

– И последнее, – сказала она тихо, но в мертвом голосе внезапно зазвенели странные струнки, он обрел живые нотки, – трое сынов у меня...

Она затихла, слышно было ее прерывистое дыхание, но теперь слышно было, как шумно дышит и Верховный Волхв, словно все еще бежит по лестнице. Не выдержав, спросил хриплым голосом:

– Что с сыновьями?

– Двое... сильных и красивых... а третий, который урод... только он от того уroda, что на троне...

Верховный Волхв застонал, выпрямился, он оказался высок и широк, хламида волхва на нем затрещала, как гнилье. Сенная девка вскрикнула, отпрянула к стене. Глаза ее выпучились, как у совы. Человек в одежде волхва с проклятием швырнул чашу на пол с такой силой, что она смялась, будто была из мокрой глины. Следом одним свирепым движением сорвал белую одежду и бросил на пол. Сенная девка вскрикнула дурным голосом. Волхв в одно мгновение обратился в грозного тцара, что весь в ратной одежде, страшен и грозен, лицо лютное, как у лесного зверя, глаза налились кровью. Был он свиреп, некрасивое лицо перекошено яростью, глаза выпучились как у жабы, налились кровью, губы задрожали, в уголке начала вздуться пена. Доспех на нем блестел в слабом свете зловеще, грозно.

Второй волхв голову опускал все ниже. Уже не волхв, а тцар грянул страшным голосом:

– Очищение? Пусть черти тебя чистят в преисподней! Пусть Ящер на тебе возит камни!

Тцарица вздохнула, ее тяжелые веки опустились. Бледные губы слегка изогнулись, в другое время это показалось бы улыбкой. А тцар резко, словно собираясь вонзить меч, обернулся ко второму, что сторбился еще больше.

– А ты, мерзавец, будь благодарен богам, что сумели тебя защитить!! Какой дурак меня за язык тянул?

Рагнар развел руками:

– Что я могу?

Тцар заорал, трясясь и брызгая слюной:

– Вот и молчи! Молчи обо всем, что услышал. Не смолчишь, я не погляжу на свою клятву... Что меня за язык дернуло, дурака проклятого?.. Как ты сумел так подлезть... Молчать, когда я тебя спрашиваю! Ну что я за дурак, что за дурак...

– Действительно дурак, – сказал Рагнар вслух. Он огляделся по сторонам, никто ли не слышит, повторил с удовольствием: – И не просто дурак!.. Дурак, который в моих руках. Который сам отдался в мои руки...

Даже стыдно, что тогда трясло от страха. Правда, уже вечером он шел в свой роскошный дом, подпрыгивая от радости. Тцар поклялся нерушимой клятвой прямо перед алтарем грозного бога Кибелла, а эти клятвы не осмелится нарушить ни человек, ни эльф, ни гном, ни тролль. Так что отныне он, Рагнар, в безопасности. Тцар не просто поклялся не вредить, он поклялся, что не посмеет дурного слова сказать...

А Мрак тем временем из пиршественного зала в сопровождении Аспарда двинулся было в сторону выхода из дворца, но почти сразу наткнулся на знатное лицо, оно же потомок древнейшего рода, что воевал с гиксами. Манмурт, вспомнил он, и спросил громко, гордясь памятью:

– Эй, Манмурт!.. Ты с собаками дрался, что ли?

На Манмурте вместо пышного костюма висели грязные клочья, лохмотья, словно его костюм топтали все кони Барбусии, жевали все коровы, а оплевали все верблюды страны Песков. Половину лица Манмурта занимал кровоподтек, другую половину исполосовали длинные царапины, ссадины, из уха торчат, как крохотные стрелы, длинные колючки.

Манмурт вздрогнул, обнаружив тцара так близко, лицо его за это время похудело и вытянулось.

– Ваше Величество! Я привел вашего некаканого зверя обратно. Оно сейчас там... в спальне резвится.

Мрак вздрогнул, представив, что может натворить скучающая по нему жаба, спросил торопливо:

– А что случилось?

– Да оно гоняло там за всякими, – объяснил Манмурт уже холодно и отстраненно, как надлежит воспитанному человеку. – А потом, наверное, соскучилось по Вашему Величеству. Она в вас души не чаёт. Вы так похожи! Если чуть темнее, то вас не различить... Бросилось со всех ног. Я поводок не выпустил, так что, извиняюсь, меня анфасом протащило по всему саду. А там кусты с такими уродливыми шипами! Станный был вкус у вашего садовника, надо признаться. И камни почему-то шершавые... Раньше как-то не замечал. Может быть, велеть сменить их, Ваше Величество?

Мрак в задумчивости почесал нос:

– Гм... Вообще-то надо бы занять работой дворцовых бездельников. Сколько народу топчется в приемной, чего-то ждут, в глаза заглядывают. Я уж все хотел спросить: чего хотят? Вот Аспард кричит, что просто хотят быть пред мои ясны очи. Тьфу! Неужто думают, что на них смотреть приятно?.. Но, с другой стороны, на тех плитах будет скользко, как на льду. Ты себе харю вовсе расшибешь, когда будешь по бабам ходить ночью. Лады, чего-нибудь придумаю! Но если она мне в спальне нагадит, смотри мне...

Задний двор являл собой небольшую, вымощенную камнем и огороженную с трех сторон высокой стеной площадь. С четвертой стороны пространство замыкала глухая стена двора, серая и выщербленная, будто по ней стучали рогами сотни быков.

Вблизи крыльца разлеглась колода непонятного назначения, десяток воинов сидят в холоде, перед ними кувшин с вином, пили прямо из горла, прикладываясь к горлышку. Двое на солнцепеке, обливаясь потом, вяло рубили мечами в середине двора деревянный чурбан. Немолодой воин, весь в устрашающих шрамах, свирепо порывивал, заставлял двигаться быстрее. Под противоположной стеной двора, высокой, каменной, еще с десяток деревянных столбов, испещренных зарубками, а на самой стене – пять широких кругов из дерева. В двух торчат по три оперенные стрелы.

– Щербатый, – сказал Аспард. – Молодец, только он не забывает гонять наших лодырей...

Мрак посмотрел на увальней в тени, на старого ветерана, покачал головой:

– Это называется гоняет?

– По нынешним временам, – ответил Аспард. Он умолк, с недоверием смотрел на тцара.

– Мало гоняет, – обронил Мрак.

– Мало, – охотно согласился Аспард. Он взглянул с внезапно вспыхнувшей надеждой на Мрака. – Может...

Он в нерешительности умолк, Мрак спросил нетерпеливо:

– Что?

– Может, – повторил Аспард, – им не помешает упражняться больше?

– Не помешает? Где это ты таким круглым, как дураки, словам научился? Во дворце?

– Этикет, Ваше Величество, – пробормотал Аспард.

– В задницу твой этикет, – решил Мрак. – Этим лодырям надо подтянуться.

– Но вы сказали... – начал Аспард нерешительно, спохватился, весь подобрался, крикнул старому ветерану: – Щербатый! Его Величество изволит зреть, насколько сильны и умелы его воины!

Ветеран посмотрел на Мрака с недоверием, но выпрямился, гаркнул:

– Всем встать!.. К метанию дротиков товсь!

Воины нехотя поднимались, двигались лениво, сонно, разомлевшие от жары. Только двое в шлемах, остальные оставили под стеной в тени. Так же сонно взяли по дротику, выстроились в линию. Один наглец повернул одуревшее от жары лицо и сказал капризно:

– А как же, Ваше Величество, что для человека главное – душа?.. А эти упражнения оскорбляют суть человека?

Мрак видел, как Щербатый покраснел от гнева, кулаки ветерана сжались так, что побелели костяшки. Явно жаждет двинуть наглеца по темечку, да так, чтобы в землю по самые ноздри, дабы захлебнулся в собственных сопельках... но не решается, поглядывает на Мрака с недоверием и опаской.

Аспард махнул рукой. Щербатый набрал в грудь воздуха, рявкнул:

– Бросай!

Двенадцать дротиков взвились в воздух. Два долетело до стены и вяло тукнули камень у основания. Еще пять упали под стеной, остальные едва преодолели половину двора. До деревянного круга не добросил никто.

Мрак нахмурился. Если таковы и остальные воины, то в это царство приходи и бери голыми руками. Правда, здесь, в горах, загадочные башни магов да еще какие-то секретные конюшни драконов, но без храбрых и сильных воинов страна обречена.

– Хреново, – сказал он хладнокровно.

Щербатый отпрыгнул, услышав такое непривычайшее слово от одухотворенного и возвышенного тцара, пару мгновений смотрел остановившимися глазами, но старый ветеран должен уметь быстро принимать решения, и Щербатый сразу же закричал, вздымая грудь и приподнимаясь на цыпочках, как петух:

– Вы слышали, что изволил речь Его Величество? Он изрек, что вы не совсем прекрасно... даже не очень хорошо... мать вашу!.. Что хуже некуда!

Мрак вышел во двор, взял в руку дротик. Аспард и Щербатый смотрел на него во все глаза. Мрак повертел дротик в руке, легковат, надо бы наконечник подлиннее, да и древко потолще. Прутик, а не дротик. Вон у Гонты стрелы были толще.

– Вот что, ребята, – промолвил он возвышенно. – Нельзя быть к другим суровше, чем к самому себе, верно?

– Верно!!! – заревела дюжина голосов.

Аспард и Щербатый обреченно переглянулись. На блестящем шлеме Аспарда поникли даже перья, а у Щербатого опустились плечи.

– Я вот смотрел на звезды, – продолжал Мрак, – и значит, такая умная мысль пришла от созерцания... Тцар должен быть примером, верно? И не требовать от других больше, чем от себя. Я вот щас брошу дротик... и да не будет у вас отдыха, пока не научитесь бросать дальше. Или лучше. Согласны?

– Истинно речешь, Ваше Величество!!! – заревели воины преданно. Иные уже сразу начали оглядываться на оставленный кувшин. – Истинно! Звезды – это да!.. В звездах – мудрость! Да здравствует Его Величество!.. Слава!

– А кто бросит дальше, – сказал Мрак, – или попадет лучше... тот освобождается от учений. Остальных Щербатый будет гонять до седьмого пота. Договорились?

Аспард и Щербатый повесили уже и головы. Солдаты заорали преданно:

– Истинно говоришь, Ваше Величество! Все так и будет, как велишь!..

Мрак повернулся к Щербатому:

– Слышал?

Тот ответил угрюмо, голос был упавшим на дно самой глубокой и сырой могилы:

– Да, Ваше Величество... как скажете.

– Вот и хорошо, – сказал Мрак. – Я вот, бывало, смотрю на звезды, а они говорят, что тцар с народом должен договариваться, а не приказывать. Убеждением надо, убеждением!

Он встал на линию, снова взвесил дротик на руке. Поднял над плечом, держа глазами деревянный кругляш на противоположной стене. Во дворе было тихо, только кто-то из солдат не удержался, хихикнул. Аспард и Щербатый хранили мрачное молчание.

Мрак занес руку за спину, чуть отклонился, потом швырнул, добавляя к броску вес всего тела. Дротик прорезал воздух со свистом падающего с горы камня. Все видели его только что в тцарской длани, затем превратился на краткий миг в смазанную полосу, а затем раздался сухой треск. От деревянного круга откололся клин, выпал. Дротик вонзился... не в самую середку, правда, но зато как будто даже не просто в дерево, а, пронзив мишень, в камень.

В полной и мертвой тишине Мрак звучно отряхнул ладони. Звук был такой, будто постукали поленом о полено. Оглянулся. Аспард и Щербатый смотрят с отвисшими челюстями. Оба чем-то напомнили ему Хрюндю. Выпученными глазами, наверное.

Мрак сказал ласково:

– Приступайте, орлики. А ты, Щербатый, когда научатся метать... дай знать. Я приду и... ну, молот метну, что ли. Или с конем на плечах побегаю. Я люблю с народом по-хорошему. Правильный тцар не приказывает, а убеждает. Верно?

Аспард хлопал ртом, как выброшенная на берег крупная рыба. Щербатый пришел в себя первым. На испещренном шрамами лице проступила свирепейшая радость. Он посмотрел на солдат, как бог подземного мира смотрит на грешников, попавших к нему на веки вечные.

– Ну, ребятки, – произнес почти ласково, что выглядело страшнее любого рыка, – теперь приступим... Вы ж сами вызвались, убежденные вы мои, так что не взыщите...

Он посмотрел на расколотый деревянный щит, с великим почтением на Мрака. Мрак кивнул Аспарду.

– Пошли, что ли?

Начальник стражи семенил следом непривычно мелкими шажками.

В своих покоях Мрак привычно поискал секиру, вспомнил, что он – тцар, рухнул в мягкое кресло и указал Аспарду на кресло напротив.

– Садись. Да садись, садись!.. Что ты какой-то... Я ж еще шкуру с тебя живьем не сдираю... пока что? Так что садись. И вообще, давай глаголь, что тут пока творилось... Ну, пока я мудро и величественно оборзевал... обозревал, словом, лицезрел звездное небо и мыслил, мыслил, мать его, все мыслил и мыслил... О Высоком все да о Высоком, тут под ногами что именно накопилось?

Аспард мялся, кряхтел, разводил руками. Лицо стало багровым, а глаза совсем несчастными и потерянными. На лбу выступили крупные капли пота.

– Ваше Величество! – взмолился он. – Да разве ж я должен такое говорить?

– А кто? – спросил Мрак.

– Спросите своих управителей. Они вам все-все расскажут.

– Соврут, – ответил Мрак убежденно. – Все здесь брешут, ты заметил?.. Ты тоже, наверное, но сейчас я спрашиваю не о твоём деле, а о делах тцарства вообще, об обстановке... так что тебе вроде смысла нет брехать, верно? Не ты ж виноват, не тебе и оправдываться?

Аспард вытер рукавом потный лоб. Вздохнул горестно. Похоже, он все-таки из тех слуг, определил Мрак с жалостью, что дела государства принимают как свои. Живут ими, служат им, отдают им время, силы, здоровье, жизни.

Неслышно появился слуга, перед Мраком на столике возникли золотые кубки, один другого красивее, ярче, дороже. Полилось темно-красное вино, тонкий аромат пошел во все стороны, даже у Аспарда дрогнули ноздри. Мрак кивнул ему на кубок, взял другой, отхлебнул.

Терпкое вино приятно обожгло горло, прокатилось по пищеводу, горячим шаром опустилось в желудок. Аспард вздохнул, пальцы вздрагивали, когда взял драгоценный кубок.

– Пей, – велел Мрак, – здесь хорошее вино. Хотя я знавал и лучше. Ну, так как?

Через час он уже знал вкратце все, что творилось во дворце и за его пределами. Через два – знал подробно. За это время слуги унесли кубки и принесли другие, еще краше. Дважды приносили жареное мясо, изысканно приготовленных мелких птичек, печеную рыбу. Принесли было редких змей и по-особенному приготовленных ящериц, но Мрак отправил их обратно, к великому облегчению Аспарда.

Во время этого малого пира послышался уверенный стук в дверь. Появился массивный придворный, которого Аспард на приеме назвал Хугилаем. Не просто придворный, вспомнил Мрак, а главный управляющий. Хугилай вдвинулся в помещение, как огромная льдина в половодье. Стало тесно, он окинул стол цепким взглядом, слегка поклонился, ухитрившись при этом даже не наклонить голову, промолвил ровным механическим голосом, словно проскрипела тяжело груженная бревнами телега:

– Ваше Величество, пришло время приема послов.

Мрак вскинул брови.

– Ого, так я, выходит, на службе?

Хугилай поклонился, в ничего не выражающих глазах на миг промелькнула тень улыбки.

– На службе, Ваше Величество. Мы все на службе Отечеству. И нет от этой службы ни сна, ни отдыха.

Мрак проворчал:

– Догадываюсь... Помрем, и то заставят служить.

– Заставим, – согласился Хугилай спокойно. – Как служат Отечеству все ваши доблестные предки, Ваше Величество.

Аспард поспешно поставил кубок, он успел подняться раньше Мрака. Хугилай провел их обратно в тронный зал, где под стенами группировались немногочисленные придворные. Из числа тех, в кого уже не лезло в пиршественном зале.

Мрак опустился в тронное кресло, Аспард встал сзади и чуть справа. Хугилай кивнул церемониймейстеру, тот стукнул о пол металлическим посохом и провозгласил громко:

– Доблестный Маздон, посол Артании!

Трубы протрубили, дверь распахнулась. В зал вошел высокий, обнаженный до пояса мужчина. Седые волосы падали на плечи, лицо было суровым и неподвижным. На запястьях и предплечьях браслеты, а слева у пояса блестит отполированная рукоять боевого топора. Лезвие в кожаном чехле, но все же... Мрак, не двигая головой, повел глазами по сторонам. Ни у кого нет даже ножа на поясе.

Посол шел спокойно, Мрак исподлобья всматривался в его могучую мускулистую фигуру. Ни капли жира, все вытоплено упражнениями, скачкой, схватками. На теле множество мелких шрамов, вдоль правого бока шрам такой, что под ним явно перерубленные и заново сросшиеся ребра, под ключицей звездообразный шрам, понятно, стрелу засадили... Руки развиты метанием топоров и прочих нужных в хозяйстве вещей.

Посол подошел ближе, коротко поклонился. В Куявии это вообще не сочли бы за поклон, просто небрежный кивок соседу, но везде свои обычаи, Мрак всматривался в суровое лицо воина. Молодцы артане... Постарел рубака, сила уже не та, но головой ясен, вот и нашли ему дело, всяк куяв смотрит и думает с завистью: мне бы в его годы таким орлом... Да куда там, если сейчас вдвое меньше лет, а брюхо до колен, одышка, мышцы дряблые, и уже не то что на коня, за стол сажают под руки...

– Ваше Величество, – сказал Маздон сильным мужественным голосом, и Мрак как наяву увидел его на коне, как он отдает приказы конным отрядам ударить с фланга, зайти с тыла, топоры к бою. – Ваше Величество!.. Мы снова с жалобой на ваших людей, что творят бесчинства с нашими жителями на реке Песчаной!..

Мрак нахмурил брови.

– Привет, Маздон. Ты все так же крепок... Когда ты говорил со Светланой... ну, помнишь, предлагал встретиться ее на перевале, у тебя на пальцах было три кольца. А сейчас четыре. Это что-то значит?

Посол вздрогнул, брови приподнялись. Мужественный голос чуть дрогнул, в нем появилась растерянность:

– Ваше Величество, я разговаривал с ней наедине...

Мрак засмеялся.

– Да брось!.. Разве не знаешь, что от барбусцев нет тайн? Не знал?.. Ну тогда хошь перекажу все от слова до слова? И даже скажу, какая пола твоего халата потяжелела... и почему? Кстати, а че ты тогда был в халате? Как щас помню, жара стояла такая, что хоть топор вешай...

Лицо посла дрогнуло. Всмотривался в тцара, потом с усилием растянул губы в принужденной улыбке.

– Я счастлив, Ваше Величество, что вы так спокойно относитесь к пограничным... случайностям.

Мрак кивнул.

– Да? Я ничего не слышал. Хорошо, я немедленно разберусь и накажу виновных.

Маздон хищно улыбнулся.

– Спасибо за заботу, Ваше Величество!.. Правда, я только что получил сообщение, что один наш конный отряд, потеряв терпение, встретил насильников и всех перебил.

Мрак сказал медленно:

– Вообще-то хорошее дело...

– Спасибо, Ваше Величество, – ответил Маздон с очередным поклоном, чуть преувеличенным. – Мы рады, что вы так к этому отнеслись. Сообщаем также, что наш конный отряд перешел реку и наказал убегающих насильников уже на вашей стороне реки. Возможно, пострадал кто-то из мирных крестьян, зато все разбойники были истреблены начисто!

По рядам придворных прокатился ропот. Мрак помедлил, сказал осторожно:

– Вообще-то... наверное, мне надо будет съездить туда и самому на все взглянуть. Мне почему-то кажется, что ваш конный отряд и строить умеет...

Посол насторожился, в глазах появилось непонятое выражение.

– Это вы о чем, Ваше Величество?

– Наверняка построили... или спешно строите сторожевой пост, – пояснил Мрак, – чтобы упреждать появление... насильников?

Маздон поклонился.

– Вы очень проницательны, Ваше Величество.

– Крепенький такой сторожевой пост, – добавил Мрак. – Чтоб ворота не всяким тараном выбить, верно?

Маздон поколебался, в глазах появилась тревога. Замедленно поклонился.

– Ваше Величество, мы вынуждены, увы. Всем надо защищать свои интересы.

– Тем более, – закончил Мрак, – надо будет там побывать. Благодарю вас, посол, за своевременное сообщение!.. Вы очень хороший посол, Маздон. Я помню, как вы в Куявии защищали интересы своей страны, помню...

Посол поклонился и отступил. Мрак видел на его лице тщательно скрываемое смятение.

В этот день были еще послы, но эти просто преподнесли дары, напоминая о себе. Одного посла вообще месяц тому отозвали, вместо него появился новый, представился с таким многозначительным видом, словно не только будущее Барбуса, но и всего мира зависит от его слова. Мрак вполголоса поинтересовался у Аспарда, где находится страна этого посла, но тот, как ни морщил лоб, не вспомнил.

Когда поток посетителей иссяк, Мрак осмотрел зал, покосился на неподвижного Аспарда.

– Ну че? – поинтересовался он. – Отработали мы день аль как?.. У меня уже зад в волдырях.

Аспард обвел глазами исполинское помещение. По стенам его орлы бдят, каждого входящего осматривают, никому не позволяют приближаться к трону ближе чем на пять шагов. Но придворных стало намного меньше. Остались, как догадывался Мрак, только те, кто обязан достоять до конца приема.

– Как скажете, Ваше Величество, – ответил Аспард замедленно. – Я думал, это вы сами решили... после долгих бдений... гм... с ночным небом, посвятить денек делам государства...

– Ах ты ж, змей, – сказал Мрак с сердцем. – Так, оказывается, можно было давно встать и уйти? И ты молчал?.. Ну, этого я тебе не прощу...

Кости затрещали, когда он поднялся. Небрежно запахнутое тцарское одеяние раздвинулось на груди. Рубашки и прочие излишества он поленился надевать в такую жару, глаза Аспарда сразу прикипели к черным густым зарослям. Похоже было, что волосы выросли на выпуклых гранитных плитах.

Часть стражей по его взмаху сдвинулись с мест, Мрак до дверей спальни шел в коробочке из сверкающих металлом тел. В этом предспальном помещении вкусно пахнет выделанной кожей и дымом. Он потянул ноздрями, удивился: здесь топят дровами из душистого кедра, да еще и посыпают то ли амброй, то ли какой-то корой с сильным приятным запахом. Совсем обзрели.

Аспард отдал честь, прощаясь, Мрак взялся за дверную ручку, сказал значительно:

– Итак, всем до утра!.. А вы тут не проиграйте свои доспехи и мечи!

Аспард кивнул, не зная, что ответить, а один из стражей, наиболее сметливый, рискнул почтительно ответить на шутку Его Величества:

– Дык чужих нет, а проигрываем друг другу!.. Так и ходит мой щит по всем рукам. Совсем замацали.

Мрак закрыл дверь, прислушался, по ту сторону створок Аспард отдает приглушенным голосом указания, кому где стоять и за чем бдеть в оба глаза, а за чем и во все три. Успокаивающе позвякивает железо.

В спальне пахнет розовым маслом, пахучими травами, но воздух спертый, тяжелый. На ложе с десяток подушек, а еще штук пять на полу. Одна разорвана, но жаба бесстыдно дрыхнет на ложе. Не просто на ложе, а на самой крупной подушке, брюхом кверху, пасть приоткрыла, торчит розовый раздвоенный язык.

Мрак потянулся, взялся за ворот рубашки, приготовившись содрать ее и рухнуть на роскошное ложе. Он не понял сперва, что его насторожило, но ноздри подрагивали, ловили и сортировали незнакомые запахи, затем он сообразил, что один запах знаком – запах молодой женщины, половозрелой, испуганной, слегка вспотевшей от напряжения.

Он метнулся в сторону, перекатился через бок, вскочил и одним прыжком оказался у портьеры. Рванул со всей дури, она с треском рухнула на пол, следом упала толстая длинная палка и треснула по голове.

За портьерой стояла молодая женщина с длинным узким кинжалом в обеих руках. Вскрикнув как раненая птица, она бросилась на него, замахнулась. Мрак легко отнял, стараясь

не коснуться лезвия, что-то подозрительно блестит, как бы не смазано ядом, а женщину подвел к креслу, усадил.

Она дрожала, смотрела с бессильной ненавистью.

– Ну и че? – поинтересовался Мрак. – Есть хочешь?

Она зябко вздрагивала. Мрак подумал, содрал с ложа теплую шаль, укутал ее плечи. Она сделала попытку освободиться, но смирилась, даже натянула теплую ворсистую ткань потуже.

– Может, – предложил Мрак, – выпьешь чего-нибудь? Здесь хорошее вино, как я заметил, подают. И кормят неплохо.

Она вздрогнула, в больших красивых глазах блеснула ненависть.

– Как вы изволили заметить?.. А до этого замечали только свои звезды?

– Что делать, – ответил Мрак добродушно, – люблю звезды... Поверишь ли, сколько на них смотрю, ни одна еще с ножом не кинулась! Не укусила, не лягнула, не боднула... даже не обругала. А вот люди, увы, порождение крокодилов. Крокодилы – это такие большие ящерицы. Во-о-о-т такие!.. Нет, есть даже длиннее. А кусаются, как...

Он принес кувшин, налил в два кубка вина, один сунул ей в руки. Она затравленно смотрела, как он наливает, словно хотела заметить, когда же он бросит туда яд, но кубок приняла, даже отхлебнула.

Мрак сел напротив. Выпил залпом, налил себе еще, отхлебнул половину. Женщина наблюдала за ним с явным недоумением. Мрак вытер рот тыльной стороной ладони, сыто икнул, сказал спокойно:

– Эх, звезды... мдя, это – вещь!.. Смотрю на них, и душа взвеселяется... Ладно, напомни мне, красавица, где я тебе дорогу перешел. А то, панимашь, из-за этих прекрасных звезд не замечаю всяких серых мелочей жизни...

Он уставился в ее красивое лицо коричневыми глазами. Она поежилась, он заметил, как ее глаза окинули быстрым взглядом свои руки и ноги и даже бросила быстрый взгляд на стену в поисках зеркала, в самом ли деле она такая уж серая мелочь жизни.

– Вы, Ваше Величество, – произнесла она чистым, как ручеек, голоском, но полным яда от берега и до берега, – не помните уже, что я через две недели должна взойти на ваше ложе?

Он оглянулся на ложе. До него рукой подать, но он чувствовал, что легче ледник вставить на его ложе, чем эту женщину.

– Через две недели? – переспросил он. – А ты че... недовольна, что не щас? Хочешь меня принудить прямо щас?.. Да не кидайси, это я так шутю, шуток не разумеешь, женщина... Если я тебе не ндравлюсь, что обидно, конечно, я из себя весь такой... ну, такой замечательный, а ты нос воротишь, то просто не всходи на это ложе. Оно в самом деле высоковатое, а во сне свалишься, костей не соберешь... Правда, ковер мягкий.

Она смотрела злыми глазами, напомнила ядовито:

– А вы забыли про договор?

Он промычал, с силой потер лоб:

– Договор, договор... Что-то я мелочи забывать стал... Звездное небо такое большое, понимаешь, огромное даже, а все, окромя него, такое мелкое... Ты говоришь, договор? Так тцар я или не тцар?.. Если я могу порвать какой-то договор, то я его рву. Или я обязан жениться, как порядочный... гм...

Он перевел взгляд на ее живот. Она вспыхнула, на щеках выступили красные пятна.

– Да я лучше из башни брошусь!.. Да я лучше утону!.. Да я зарежусь, если ко мне только протянутся ваши руки!..

Он вытянул перед собой руки, сжал и разжал кулаки. Сейчас, обнаженные до плеч, покрытые сильным солнечным загаром, с белыми шрамиками, они выглядели как потемневшие стволы деревьев со снятой корой. Только при каждом шевелении пальцев под кожей прокатывались бугры мускулов.

– Гм, – сказал он озадаченно, – что в этих руках не так?.. Но ты меня успокоила, хоть и с ножом. Значит, между нами ничо не было? Фу, от души отлегло. А я уж испугался, как бы в самом деле жениться не пришлось. Ну, если между нами ничего не было... точно не было?.. то неча тебе тревожиться. Но и ты ко мне ничего не имей, ладно?

Она смотрела на него из глубин кресла, как затравленный зверек. Глаза блестели, еще чуть – и оскалит зубы. Но взгляд то и дело перепрыгивал на его обнаженные руки, в глазах росло удивление.

– Я-то не имею, – почти прошипела она. – Но отец мой уже с месяц как готовится!

– Так не ему же всходить на мое ложе, – хмыкнул Мрак. – Скажи, пусть не готовится. Мне и без него тесно...

На ложе зашевелилось. Жаба перевернулась на брюхо, приподнялась на всех четырех и смотрела на красавицу хмуро, оценивающе.

– Или, – продолжил Мрак рассудительно, – если тебе так невтерпеж замуж... то пусть твой батя готовится, а ты дуй за другого. Если хочешь, я могу замолвить за тебя словцо. Порекомендую.

Она снова вспыхнула. Мрак с раскаянием подумал, что не умеет он вести такие гладкие и умные речи, как Олег, не умеет разговаривать с женщинами, как Таргитай. Что ни брякнет, все не так толкуют, словно он мудрец какой, в каждом слове которого семь смыслов и пять иносказаний.

– Принцесса Фрига не нуждается в чьих-либо рекомендациях, – ответила она с достоинством. – Если вы сумеете повторить это и завтра... на трезвую голову, в присутствии придворных, то обо мне вы больше не услышите.

– Ловлю на слове, – ответил он, и она с негодованием уловила в голосе тцара облегчение. – Завтра я объявлю в присутствии придворных...

Жаба требовательно застрекотала. Мрак не обращал на нее внимания, она соскочила на пол, в два прыжка преодолела расстояние и начала карабкаться к нему на колени. Женщина с ужасом наблюдала, как это маленькое страшилище упорно карабкается, вытягивает короткую шею, цепляется передними лапками, отталкивается задними, но лапки скользят...

Наконец Фрига носком изящной туфли брезгливо подпихнула жабу под толстый зад, и та с облегчением взобралась на колени старшего друга. Мрак прижал ее широкой ладонью, она попыталась встать и облизать его лицо, но он придавил сильнее, и она распласталась на его теплых надежных коленях, глядя на женщину выпуклыми глазами.

Она содрогнулась.

– У вас и вкусы... То звезды, то жабы...

Он сказал:

– Как видите, в моей жизни нет места для таких женщин.

Она поднялась, глаза ее смотрели требовательно.

– Утром в самом деле... подтвердите?

– Клянусь самым дорогим, – ответил Мрак, – что у меня есть. Вот этой жабой.

Женщина сделала шаг в пространство, оглянулась на Мрака, побледнела. Не хочет, понял он, выказывать тайный ход. Она была уверена, что зарежет его и уйдет незамеченной.

Он кивнул на двери:

– Лучше сюда. Там ни паутины, ни костей под ногами.

За дверью загремело, когда он только взялся за ручку, а когда распахнул дверь, двое здоровяков уже с мечами наголо стояли навывтяжку и преданно ели его глазами.

Мрак приложил палец к губам, из-за его спины потихоньку выскользнула Фрига и быстро-быстро пошла через зал. Стражи провожали ее заинтересованными взглядами. Молодая женщина в смятении забыла сбросить с плеч клетчатую шаль с тцарского ложа.

По ту сторону двери его спальни звуки медленно затихали, словно море отступало от берега. Сперва ушли придворные, перестали суетиться челядины, что готовят на утро свежее белье, чистят ковры, протирают мебель.

Он вслушивался, а когда убедился, что и за дверью основная часть стражей не то уснула, не то отлучилась в соседний зал, а двое самых стойких играют в кости, на цыпочках подкрался к двери, сунул в петли уже проверенную ножку кресла. Тихо, снизу запахи просачиваются спокойные, толстые, не смятые внезапными завихрениями воздуха, что значит – все окна закрыты ставнями.

Жаба, пригретая на коленях, уже снова раскинула крохотные лапки во сне на той же подушке. Он ударился о мраморный пол, лишь чуть прикрытый ковром, голова закружилась от обилия запахов, от грохота, шума, крика, далеких голосов, конского ржания, скрипа удаленных лестниц... Ему почудилось, что небо и земля пару раз поменялись местами, но это в голове лишь менялось человечье на волчье. Все стало в сотни раз ярче, четче, богаче, а запахи сразу выдали такие картины, которые глаза никогда-никогда...

По струйке из-под двери теперь он в и д е л весь большой зал, видел все места, где сидят или стоят люди, где украдкой сплевывают в углы, видел все пространство и даже слабо, фрагментами, видел следующий зал, из которого точно так же просачиваются запахи из других помещений и даже со двора.

Он поднялся, головокружение уже прошло, а все тело переполняла сильная свирепая мощь. Он успел подумать, что не потому ли в его далекой деревне мужчины нередко не возвращались в людскую личину, что в теле зверь всегда молод и силен, а человек – это слабость, тревоги, сомнения, страхи, болезни...

Однако перед потайной дверью снова пришлось грянуться оземь, волчьи лапы не в состоянии сдвинуть картину, повернуть и подвинуть правильно камень, чтобы там вздрогнуло и невидимый запор освободился. В другой раз, подумал Мрак хмуро, можно будет плюнуть на все эти потайные ходы и дунуть прямо через ночной дворец... Все спят, а если кто и бродит ночью, то он его легко почует издали, затаится, пропустит или же заранее выберет другую дорогу.

Приближение поверхности он снова ощутил задолго до того, как добрался до выхода. Просачивающиеся запахи, едва заметное тепло прогретой за день земли, даже неслышимые шумы, похожие на движение прорастающей травы, будто корни проламывают землю, разрыхляют, сосут соки, чавкают, булькают...

Уже в людской личине без боязни отодвинул камень, вышел и тщательно поставил обратно. Сейчас, когда зрение стало иным, звуки притупились в десятки раз, а мир запахов исчез вовсе, ему пришлось постоять пару минут, пока глаза промаргивались, а он заново вслушивался и всматривался в ночной город.

По темному и звездному небу медленно ползут рваные облака. Ковшик луны ныряет по ним, похожий на маленький кораблик, что борется с темными волнами. Крыши блестят, но окна темные. Только в дальней, на грани видимости, высокой башне, что над самым горизонтом, багровый свет, видно даже, как метнулась зловещая темная тень. Еще горит свет в верхних окнах башни придворного колдуна, но они плотно закрыты ставнями, пробивается только узкий лучик света между толстыми дубовыми досками. Чего боится колдун, если даже на верхних этажах ставни, которые пробить разве что тараном?

– Ладно, – сказал он негромко, – пойдем знакомиться с городом. С городом, который мне... гм, вверен на две недели.

Страж у ворот ночного рынка озадаченно открыл рот. Мрак посмотрел на его ошалелый вид и сразу представил себе, что тот видит. Вон идут добропорядочные горожане, загулявшие малость, но все же благопристойные, обычненькие такие человечки, их только по одежде и

отличаешь, да и то... гм... одеваются все одинаково, а следом за ними топают настоящее чудовище: обнаженный до пояса дикарь, лохматый, волосы торчат во все стороны, морда зверская, за плечами огромный топор с прямой рукоятью. Могучее тело блестит в мертвенном лунном свете и особенно когда проходит под факелами в стенах, словно отполированная волнами и солнцем гранитная глыба. Зубы белые, острые, смотрит по сторонам с любопытством, дикарь проклятый, чудовище, откуда они только такие берутся...

Мрак поглядывал по сторонам, все схватывал и все подмечал, но глазами держал в первую очередь людей с оружием. Он не зря решился идти обнаженным до пояса, в этом случае все прежде видят его могучие мышцы и никому не придет в голову искать сходство с их тцаром. Да и волосы взлохматил и вздыбил нарочито, это тоже бросается в глаза, а у тцара, если кто видел их под тцарской шапкой, волосы всегда ухоженные, вымытые и умасленные дорогим розовым снадобьем.

Портки маловаты, а башмаки он отыскал в прошлый раз в хламе самые растоптанные, да и то чуть жмут в пальцах. Мелковат народ пошел, мелковат...

Из караульной будочки на крик стража вышел тучный офицер, посмотрел недружелюбно.

– В чем там дело?

Стражник повернулся, с облегчением отчеканил:

– Я грю, что не велено с топором! А оно преть, будто не понимает...

Офицер спросил Мрака резко:

– Ты понимаешь, о чем речь?

– Понимай, – ответил Мрак. – Я все понимаю, воин. Но в нашем племени мужчина не должен ходить без секир. Позор. Понимай? Вы там не дергайтесь, мне секир... как украшение.

Офицер посмотрел кисло, смерил с головы до ног ревнивым взглядом, откуда они такие здоровенные появляются.

– Ладно, пусть идет... С такими кулаками топор в самом деле... для украшения только.

Мрак сделал несколько шагов, сам чувствовал, что делает что-то не то, он уже не тот Мрак, который вышел из Леса... Первым «не тем» стал Олег, научившись разным грязным штукам, за что его назвали магом, потом неожиданно поменялся Таргитай, хотя очень не хотел меняться... но жизнь есть жизнь, меняет нас, не спрашивая. А вот теперь он идет, как и раньше, руки напряжены и чуть врасстырку, чтобы косые мышцы спины видны всем издали, громадный и страшный, его боятся, пугливо уступают дорогу... но в то же время в чем-то уже другой, сам чувствует, только не понимает.

Начальник стражи насторожился, когда огромный варвар вдруг остановился, потоптался на месте, а потом направился обратно. Стражи напряглись, кто-то суетливо потащил из ножен меч, такой крохотный в сравнении с огромным топором варвара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.